

Павел Саксонов

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Павел Саксонов

Золотая Звезда

«Издательские решения»

Саксонов П.

Золотая Звезда / П. Саксонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835806-7

Какое золото можно найти, отправившись за золотом в разрушенную империю? Что предвещают падающие с неба звезды? Губит любовь или спасает: в жизни земной и для жизни вечной? Какие ответы — правильные, а какие — нет?

ISBN 978-5-44-835806-7

© Саксонов П.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	12
5	14
6	16
7	17
8	21
9	23
10	24
11	26
12	28
13	30
14	31
15	32
16	34
17	36
18	39
19	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Золотая Звезда

Павел Саксонов

*Елене, любимой, представительнице древнего народа Анд,
посвящается.*

© Павел Саксонов, 2016

ISBN 978-5-4483-5806-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Дон Пабло де Ленья-и-Аморкбн никогда не был хорошим человеком. В детстве он зло подшучивал над учителями. В юности едва не угодил под суд, убив сверстника голыми руками. Ни за что, просто за фразу: взял его голову в ладони и хладнокровно размозжил о выступ карниза. В молодости, освободившись от опеки, быстро промотал наследство деда и прабабки: на шлюх и бесконечные пьянки. О жестокости и бессердечности дона Пабло ходили легенды. Но зато он был красив как ангел. Не тот, что вышел бы из-под кисти какого-нибудь художника эпохи Возрождения, а так, как ангелов представляют женщины – высокий, стройный, с прожигающим взглядом глаз на правильном лице под сенью светлых, едва рыжеватых, не собственных испанцам, волос. А главное, дон Пабло был поэтом. Хорошим или плохим, не нам судить, но сочиненные им сатиры и мадригалы мгновенно разлетались по городским дворцам и сельским замкам, а некоторые из них превратились в народные песенки.

К тридцати годам закончилось всё. Исчезло состояние. Пропало вдохновение. Дивная красота превратилась в изможденную сухость. Однажды утром дон Пабло встал с тяжелейшего похмелья и даже не нашел вина: кредит испарился, как и всё остальное. Тогда бы он и мог умереть, и тогда бы нам не о чем было рассказывать, но сердце выдержало, мучительный день прошел, ночь миновала в поту и судорогах, а в полдень следующего дня дон Пабло, зеленый и шатающийся, взошел на палубу уходившего в Новую Индию «Святого Филиппа».

Офицеры корабля приняли попутчика настороженно: «слава» за ним тянулась такая, что к общению не располагала никак. Даже капитан, человек вполне светский, сталкиваясь взглядами со своим пассажиром, тайком скрещивал пальцы и побыстрее отворачивался. Впрочем, дон Пабло и сам к общению не стремился. Большую часть времени он проводил на палубе, глядя на бесконечный океан и на пену, разбегавшуюся от бортов «Святого Филиппа». Ветер трепал его поредевшие волосы, вздувал рукава рубашки, обдавал брызгами лицо, вынуждая время от времени утираться. Дон Пабло как будто плакал: соленая вода по вкусу напоминала слезы.

В колонии, вице-королевстве Перу, царил бардак. Граф де Оропеса¹ не правил еще и года, учета не было ничему и никому, каждый творил, что хотел, и наживался, как мог. В таких условиях поправить состояние было несложно, а если не было сердца, запредельная жестокость не смущала – стать богачом. Перед доном Пабло открылись широчайшие перспективы, но с первых же дней что-то пошло не так.

Оказавшись в Куско и бывая в его окрестностях, дон Пабло поневоле – наверное, как поэт – дивился величию погибшей империи и тому, насколько бездарно распорядились ее наследием победители. Дивился тому, как быстро гордость сменилась раболепием. Дивился предательству тех, кто еще вчера называл себя сыновьями Солнца, а ныне питался подачками и выслуживался ради того, чтобы стать энкомендеро – угнетателем собственного народа, еще более жестоким, чем сами поработители. Не меньше его поразило и обилие сброда, рядившегося в одежды знати и требовавшего к себе уважения. А еще – гнетущее, даже в феодальной Испании невиданное и неслыханное, бесправие коренного населения. Это бесправие, а вернее, непонимание того, как такое вообще возможно, и стало причиной, толкнувшей дона Пабло на, казалось бы, странный для него поступок.

¹ Франсиско Альварес де Толедо, граф де Оропеса (1515 – 1582) – пятый вице-король Перу с 1569 года. Считается основоположником порядка управления. При нем прекратились междоусобные войны между наследниками конкистадоров. Появились законы и четкая система управления, просуществовавшие почти вплоть до обретения Перу независимости.

2

Ранним утром 31 марта он проснулся от женского крика и отборной испанской брани, звучавших прямо под дверью его гостиничного номера. Вскочив как был и выглянув в коридор, он обнаружил здорового детину, одетого с претензией на принадлежность к армии. В руках детины билась и кричала маленькая, по возрасту уже немолодая, лет тридцати, но все еще поразительно красивая индианка. Очевидно, происходило насилие: вообще-то нередкое, но с таким дон Пабло еще не сталкивался.

– Это что? – спросил он, глядя детине в глаза.

Тот с презрением отмахнулся от вставшего на пути худого голого человека, посоветовав ему тихонечко убраться обратно в номер.

Дон Пабло кивнул и действительно ушел в комнату, но уже через несколько секунд вернулся с дагой в руке и... просто перерезал горло не успевшему ничего сообразить детине. Тот выпустил женщину, обеими руками, тут же покрасневшими от крови, схватился за рану и, шатаясь на заплетавшихся ногах, попятился. Дон Пабло подтолкнул его к входу в номер, и там он и упал. Индианка смотрела на это расширившимися глазами, но, как подметил дон Пабло, страха в ее взгляде не было. Скорее, удивление и... любопытство.

– Заходи!

Индианка вошла в номер. Дон Пабло закрыл дверь, положил дагу на стол, присел на корточки над телом детины и принялся обшаривать его камзол.

– Ага... вот... – пробормотал он, вытаскивая из кармана бумаги. – Черт побери!

В документах значилось, что убитый был никем иным, как личным телохранителем некоего дона Франсиско Уртадо – богатого и влиятельного энкомендеро, некогда явившегося в Перу нищим голодранцем, но быстро превратившегося в уважаемого члена общества. То есть общества таких же, как и он сам, безродных бандитов и проходимцев. Уж на что за доном Пабло тянулась репутация бесчеловечности и бессердечности, но Франсиско Уртадо и подобная сволочь могли бы дать ему сто очков вперед.

Дон Пабло бросил бумаги на пол и задумался. А потом посмотрел на индианку и обомлел: в ней не то что не было страха, наоборот – она с явным интересом рассматривала его, Пабло, и тогда он, Пабло, спохватился: да он же стоит в чем мать родила!

Странно, но факт: дон Пабло смутился. Он столько раз бывал в таком же положении перед женщинами, за которых платил, и перед женщинами, которые сами ему отдавались, а вот поди ж ты! Что-то пробормотав, он бросился к стулу, на который с вечера свалил одежду, и начал быстро натягивать на себя штаны. Запутался в рубашке, но и с ней совладал. Подскочил к тазу с водой, ополоснул лицо и посмотрел в зеркало: уши – красные, худое лицо – в пятнах стыдливого румянца!

– Allin kanki... – послышалось со стороны.

– Что? – обернулся к индианке дон Пабло.

– Ты добрый, – повторила та по-испански, выговаривая слова как можно тщательней. – Iman sutiyki? Как тебя зовут?

– Пабло, – машинально ответил дон Пабло, не веря своим ушам: добрый? Он? Кто и когда его так называл?

– Ты – дон? – спросила индианка, причем «дон» прозвучало как «том»: ей плохо давались звонкие, несвойственные ее родному языку, звуки.

Но это дон Пабло понял и ответил «да».

– По крови?²

² То есть «от рождения?»

– Да.

Индианка улыбнулась:

– Rikun.

– Что?

– Сразу видно.

Дон Пабло смутился еще сильнее: видно? Сразу? Сам всмотрелся в удивительную женщину, и сердце его ёкнуло. Солнце уже светило в окно; в его лучах, еще вот только что казавшиеся черными, волосы женщины превратились в оттенок шоколадного: такого прекрасного оттенка дон Пабло отродясь не видел. А у левой брови обозначилась родинка, нарушавшая симметрию правильных черт лица. Глаза еще представлялись черными-черными, но каждую секунду в них вспыхивали золотистые искорки, превращавшие черное в карее – почти под цвет волос, хотя и не совсем.

Дон Пабло моргнул, потом еще раз и чуть ли не грубо спросил:

– Тебя саму-то как зовут?

– Корикойлюр, – ответила индианка.

– Как? – переспросил дон Пабло.

Он, зная об активности миссионеров и о готовности индейцев принимать христианские имена, ожидал услышать что-нибудь вроде «Мария», «Инес», «Кармен», «Консуэло», но *это* имя к христианству явно не имело никакого отношения.

– Корикойлюр, – повторила индианка.

Задумалась и перевела:

– Золотая Звезда.

Дон Пабло сглотнул, попятился, уперся в кровать и сел на нее с ошеломленным видом. Промотавшись на родине, он переплыл океан в поисках золота, и вот оно, золото, было перед ним. Не в слитках или в монетах, а в облике прекрасной женщины. На мгновение сердце перестало биться, во рту появился отчетливый металлический привкус.

– Так не бывает... – пробормотал дон Пабло и провел ладонью по лбу.

– Почему?

– Откуда ты?

Индианка, тщательно подбирая испанские слова и стараясь выговаривать их так, чтобы не слишком сильно коверкать, рассказала, что она – из энкомьенды того самого Франсиско Уртадо, телохранителя которого убил дон Пабло. На нее выпал жребий, мита, прислуживать в городском доме. Вчера ее забрали из поселка, а потом...

Что было потом, дон Пабло уже знал. Знал он и о мите, колониальными властями и землевладельцами лицемерно выдаваемой за продолжение традиций разрушенной империи, но по факту превращенной в самое настоящее рабство³.

– Разве мита распространяется и на женщин?

Индианка едва уловимо пожала плечами.

– Понятно...

Дон Пабло поднялся на ноги. Что было силы пнул мертвеца. Взял со стола дагу, сунул ее за пояс, продел в португезу шпагу, подхватил со стула плащ и, подойдя к индианке, накинул плащ на нее. Маленькая женщина почти утонула в этом плаще.

– Пойдем. Нам нужно отсюда выбираться. Мне-то, пожалуй, ничего не будет, а вот тебе...

– Куда? – просто спросила индианка.

– Ну...

³ До завоевания Империи митой назывались различные повинности, которыми податное население было обязано в пользу государства или храмовых учреждений. Но, в отличие от колониального времени, она ограничивалась временем, местом и возрастом. Например, на рудниках призванные на службу не использовались больше месяца, уроженцев одной климатической зоны не переводили на работы в другую, на работах не использовались лица как моложе, так и старше определенных возрастов.

– Я не могу вернуться в энкомьенду.

Дон Пабло кивнул:

– Не можешь.

– Тогда куда?

Во взгляде дона Пабло появился нехороший огонек:

– Ты знаешь Вилькабамбу?

Индианка вздрогнула:

– Willka Ramra? – уточнила она на своем языке.

– Да. Наверное.

– Это невозможно!

– Ну вот еще! Я слышал, там всюду орудуют миссионеры, а король⁴ и сам принял христианство. А еще я слышал...

– Это очень, очень далеко, – перебила индианка и, чтобы показать насколько далеко, широко развела руками. – Много тупу⁵. Мы не дойдем.

Дон Пабло улыбнулся:

– А мы и не пойдем. Мы поедем. И там ты будешь свободна!

– Нас поймают.

– *Нас*, – это «нас» дон Пабло выделил особо, – нет.

И хлопнул по ножнам шпаги. А потом, как будто говорил неправду, хвастался или незаслуженно старался вырасти в глазах индианки, добавил, чувствуя, что краснеет:

– Еще никто и никогда не мог остановить Пабло де Ленью-и-Аморкон! Поверь, я сумею тебя защитить.

Взял женщину за руку и покраснел еще сильнее: ее рука оказалась удивительно нежной, податливой и теплой.

– Идем... звездочка. Золотая!

⁴ То есть Сапа Инка. Речь о Титу Куси Юпанки.

⁵ Здесь – мера длины, принятая в империи инков до конкисты. Примерно равна 8,36 км.

3

Из Куско выбрались без происшествий. Прохожие, конечно, поглядывали на всадника, державшего перед собой укрытую плащом маленькую женщину, но странного ничего не находили: мало ли более странных вещей творилось в то время? Только однажды какой-то знакомец расхохотался и поднял вверх большой палец. Он, очевидно, решил, что имевший отвратительную репутацию дон Пабло совершал нечто, что этой репутации соответствовало: какую-нибудь очередную бессердечную гадость. В ответ дон Пабло загадочно улыбнулся и покивал головой. Довольный знакомец пошел своею дорогой.

Как говорили знающие люди, по прямой до Вилькабамбы – столицы последнего независимого осколка Империи – было лиг тридцать: два дня пути верхом без обременения поклажей и по хорошей дороге. Проблема заключалась в том, что прямой и уж тем более хорошей дороги не существовало. Подчиняясь рельефу местности, она совершала гигантский крюк, увеличивая расстояние вчетверо, а то и в пять раз. А ее состояние было таково, что лошадь шла исключительно шагом. Сколько могло потребоваться времени на преодоление такого пути? Неделя? Десять дней? Две недели? Дон Пабло не знал. Но странное дело: с одной стороны, его тревожило столь медленное передвижение, грозившее тем, что слухи об убийстве и – согласно колониальным законам – краже чужой собственности разнесутся повсеместно и обернутся серьезными препятствиями. Но с другой, он радовался промедлению: оно насыщало его обществом женщины, которую в Вилькабамбе он мог потерять навсегда – согласно уже не колониальным, а имперским законам, считавшим любую незамужнюю женщину собственностью Инки. А Корикойлор была незамужней. Еще в юности она осталась вдовой и распоряжаться собой не имела права.

Дон Пабло, давая лошади облегчение и потому идя пешком, смотрел снизу-вверх на сидевшую в седле женщину и уже не сомневался, что пропал навсегда. Когда-то он зло, в том числе и в стихах, высмеивал тех, кто говорил о любви с первого взгляда. Теперь же он сам влюбился, да так, что голова шла кругом. Он смотрел и смотрел на Корикойлор и не мог насмотреться. Краснел и бледнел и зло, но уже о самом себе, думал: «Чем же я, скотина этакая, отличаюсь от того верзилы, который хотел изнасиловать Звездочку, если я сам хочу ее так, что прямо сейчас повалил бы на землю и взял с таким восторгом, что просто неопишимо?» В свою очередь, Корикойлор, чувствуя на себе восторженные взгляды, искоса, сверху-вниз, посматривала на дону Пабло, но ни по ее лицу, ни по ее глазам невозможно было понять, о чем она думала. Ее лицо оставалось невозмутимым, а в глазах не отражалось ничего – из них исчезли чувства: страх, любопытство, сомнения. Эта пустота, абсолютная так же, насколько пусто в межзвездном пространстве, смущала и пугала дону Пабло больше, чем всё, что происходило с ним самим. Больше, чем возможность погони. Больше, чем окончание пути, когда, возможно, с Корикойлор придется расстаться навек. Он пытался проникнуть сквозь эту невозмутимость, пытался поймать и удержать взгляд женщины, но ничего не получалось. Тогда, чтобы сердце не разорвалось, он начинал болтать о всякой ерунде. Корикойлор слушала, отвечала, сама рассказывала о том и о сём, но пустота в ее глазах оставалась прежней.

Дорога проходила через поселки. От греха подальше их приходилось огибать, а на ночь дон Пабло выбирал места в стороне от дороги, разводил, если было из чего, костер, делил на ужин сушеное мясо, а потом, когда Корикойлор, завернувшись в его собственный плащ, засыпала, долго смотрел на ее лицо, надеясь, что хотя бы во сне на нем появятся какие-нибудь чувства. Но и во сне оно оставалось пугающе бесстрастным. Возможно, Корикойлор вообще не видела никаких снов. А если и видела, то были они такими, что ничего не затрагивали – спокойными или бессмысленными, бесчувственными. Однажды дон Пабло попробовал о них рас-

спросить, но Корикойлюр ответила, что сны не запоминает. То есть сниться-то они ей снятся... наверное, но она ничего о них не помнит.

– Как так? – удивился дон Пабло. – Вот я, например...

– Не знаю.

– Удивительно!

– Может быть.

Эта попытка провалилась так же, как и все другие попытки проникнуть сквозь пустоту.

4

Вечером десятого дня пути, когда дорога шла уже ощутимо вниз, а в воздухе появилась несвойственная высокогорью влажность, дон Пабло и Корикойлюр сидели у костра. Они только что поужинали и теперь молчали. В свете костра белки глаз Корикойлюр казались красноватыми: прежде дон Пабло этого эффекта не замечал, но теперь смотрел и любовался. А потом просто – по какому-то наитию – притянул Корикойлюр к себе и поцеловал. Сначала робко, почти по-детски, почти невинно: ожидая, какой будет реакция. Корикойлюр ответила так же: почти невинно, почти по-детски, робко. Но ответ был! И тогда дон Пабло поцеловал по-настоящему. И ответ получил настоящий! Открыл глаза – он и сам не заметил, как они закрылись – и посмотрел в полуприкрытые глаза Корикойлюр. Они по-прежнему отливали красноватым, но всё изменилось. Во взгляде не было пустоты: были одуряющие нежность и желание. Черты лица тоже изменились:

– Munani⁶...

Услышал произнесенное шепотом дон Пабло.

– Khuyani⁷...

Миссионеры, наводнившие разрушенную Империю, с остервенением боролись за «нравственность» коренного населения. Им поперек горла стояли женские «платья», являвшие собою простой кусок полотна с прорезью для головы, сшитый по бокам от талии до подмышек, но оставлявший свободными бедра и ноги. А если учесть и то, что женщины не носили даже подобия нижнего белья... Миссионеры бесились, но введение европейской одежды шло тяжело. Вот и Корикойлюр была в традиционной для ее народа рубашке.

Дон Пабло чувствовал запах. Самый прекрасный запах из всех, какие он когда-либо знал. Его рука сама, без всякого участия воли, легла на бедро Корикойлюр. А дальше возникло желание узнать этот запах лучше, запомнить его навсегда. Словно осознавая это и поощряя, Корикойлюр откинулась на спину, раздвинула ноги, приподняла их и обхватила ими шею дона Пабло, а потом протяжно застонала, едва дон Пабло принялся ее ласкать. И закричала, когда через несколько минут дон Пабло взял ее.

Никогда прежде дон Пабло не знал ничего подобного. Весь его предыдущий опыт рассыпался в прах. Показался таким ничтожным, таким никчемным, таким пустым, что оставалось диву даваться. А позже возникло еще одно желание. Дон Пабло снял с Корикойлюр сандалии и принялся целовать ее ступни. Брал в рот каждый пальчик, проводил языком между ними, осторожно массировал пятки, тоже испытывая прежде ни разу не ведомый восторг. Это было настолько чудесно, что останавливаться не хотелось. Маленькие ступни Корикойлюр тонули в его ладонях, манили к себе, давали счастье познания еще одного свойственного любимой женщине запаха.

– Nayk'apas qhari ama much'aran chakiykuna⁸...

Корикойлюр заставила дона Пабло остановиться.

– Тебе не понравилось?

– Ancha!⁹ – Глаза Корикойлюр сияли. – Icha ñuca khuyani!¹⁰

Она, полностью обнажаясь, стянула через голову рубашку. В свете костра ореолы вокруг сосков ее груди и сами соски казались шоколадного цвета – под цвет волос.

⁶ Люблю... (Здесь, раньше и дальше – кечуа).

⁷ Хочу...

⁸ Никто еще не целовал мне ноги...

⁹ Очень!

¹⁰ Но я тоже хочу!

– Ты прекрасна!

Корикойлюр уложила дон Пабло на спину и сама взяла его.

Дон Пабло стискивал зубы, чтобы не кричать во весь голос от безумного наслаждения – такого, какого он тоже никогда не знал. Он то закрывал, то открывал глаза, то сжимал пальцы в кулаки, то клал ладони на бедра Корикойлюр, то видел ее лицо, то не видел вообще ничего, даже когда глаза были открыты. Кровь неслась по его венам, взгляд застыл, в голове мутилось настолько, что от связанных мыслей не осталось даже обрывка. А когда всё кончилось, и он, ощутив на губах поцелуй, широко и уже не жмурясь открыл глаза, ему почудилось, что небо осыпается на него звездами. Звезды горели ярко, срывались с мест и падали, оставляя за собою длинные светящиеся хвосты. Видя такую красоту, он принялся загадывать одно желание за другим. Его не смутило даже то, что Корикойлюр, посмотрев на небо, нахмурилась:

– Para quyllurkuna¹¹...

Он не знал, что в верованиях разрушенной Империи падающие звезды были дурным предзнаменованием.

– Хочу...

Корикойлюр ладонью зажала ему рот:

– Ama gimanki!¹²

Дон Пабло моргнул. Доселе едва уловимо красноватый оттенок белков глаз Корикойлюр стал четким и почти багровым. Это могло быть иллюзией из-за света костра, но почему-то дон Пабло так не подумал. Ему стало не по себе. По коже побежали мурашки.

– Что случилось? – шепотом спросил он.

– Urmanku quyllurkuna.

– Что?

– Падают звезды, – перевела Корикойлюр и внезапно заплакала.

Причину слёз дон Пабло так и не понял, но сами слёзы вывели его из состояния испуганной оторопи. Он уложил Корикойлюр подле себя, завернулся вместе с нею – впервые за всё время пути – в один плащ и, чувствуя тепло ее тела, стал нежно целовать глаза, не давая слезинкам течь из них и стекать по щекам. Постепенно Корикойлюр успокоилась. По ее ровному дыханию дон Пабло понял, что она уснула. Может быть, опять без сновидений. А может, и со снами: яркими и приятными. Дон Пабло провел рукой по шоколадным волосам, пристроил голову Корикойлюр себе на грудь и вздохнул, еще раз посмотрев на великолепное в не прекращавшемся звездопаде небо. А потом и сам закрыл глаза и тоже уснул – в осознании того, что свершилось нечто великое и богоподобное: в осознании счастья.

¹¹ Звездопад (буквально – «дождь из звезд»).

¹² Молчи!

5

Утром в Корикойлор ничто не напоминало о ночном плаче. Она со снисходительной улыбкой и без всякого стеснения смотрела на дона Пабло, корчившегося в ледяных струях горного ручья, и время от времени подбадривала его каким-то словами. Дон Пабло не понимал их, хотя о смысле догадывался. Он знал, что инки, объединив множество народов в одну Империю, дали этим народам не только общий для всех язык, но и множество собственных даже не столько обычаев, сколько привычек. Одной из таких привычек была гигиена, выражавшаяся в обязательных ежедневных купаниях. Там, где встречались горячие источники, строились настоящие бассейны. Но в большинстве случаев приходилось ограничиваться холодной, часто ледяною водой таких же горных ручьев, в одном из которых прямо сейчас и корчился дон Пабло. Испанцы, впервые столкнувшись с таким «обычаем», были поражены. Поражало и то, что обычай сохранялся даже спустя столько лет после крушения. Дон Пабло тоже поражался, но под насмешливым взглядом Корикойлор послушно лез в ледяную воду и мылся, мылся, мылся... и матерился – отчаянно, но с надеждой, что уж этих-то словечек Корикойлор точно не понимает!

День прошел, наступила ночь.

Днем дон Пабло шел рядом с сидевшей на лошади Корикойлор и время от времени, не в силах удержаться, дотрагивался рукой до ее голой лодыжки. Корикойлор улыбалась, дон Пабло останавливал лошадь и целовал прекрасную ногу, пока дух не захватывало. Потом шли дальше, обмениваясь взглядами: Корикойлор смотрела сверху, дон Пабло – снизу, в ее глазах бесновались золотистые искорки, в его – перемешивались отчаяние и любовь. Впервые в жизни дон Пабло понял, что никогда и ни за что не сможет расстаться с женщиной: вот с этой – сидевшей на его лошади, в его седле, укутанной в его плащ и позволявшей ему целовать свои ноги. Но была ли *она* готова не расставаться с ним? И что обоих ожидало в конце пути? И будет ли путь окончен в независимой Вилькабамбе или пара изуродованных тел окажется на дне какого-нибудь придорожного обрыва? Правда, за десять дней их так никто и не нагнал, даже если и хотел преследовать, но мало ли что еще могло приключиться?

Дон Пабло крепко держал в голове позавчерашний случай, когда путешествие и впрямь могло завершиться досрочно. Тогда навстречу им попала целая процессия: восемь индейцев несли паланкин, еще десяток выступали в роли охраны. В паланкине сидел курака или, как таких называли испанцы, касик. В Империи кураки принадлежали к знати, не будучи инками; возглавляли общины, округа и даже небольшие провинции, занимали административные и военные должности и, являясь в основном родовыми вождями, были заодно и самыми ревностными проводниками политики завоевателей своих соплеменников. Их дети учились с детьми настоящих инков, сами они по три-четыре месяца в году проживали в столице – Куско, женились на незаконных дочерях императора¹³ и его ближайших родственников. А когда Империя рухнула, легко перешли на сторону новых завоевателей. Их не смутили ни принсенное их соплеменникам рабство, ни голод, которого в Империи не знали никогда, ни требования отступить от религии предков, ни изуверства энкомендеро. Они сами стали энкомендеро, из чиновников и родовых вождей превратившись в рабовладельцев. Иные из них отличались жестокостью, перед которой меркло любое насилие самых бессердечных пришельцев. Дон Пабло уже успел повидать таких и проникся к ним искренним презрением. Эти потомственные предатели, готовые на всё ради сохранения собственных привилегий и положения, вызывали в нем отвращение.

¹³ Имеется в виду Сапа Инка – Верховный Инка, глава империи Тауантинсуйу («империи инков»).

Дорога в том месте была слишком узкой, чтобы спокойно разойтись: кто-то должен был уступить. Один из индейцев-охранников затрубил в подобие горна и на скверном испанском потребовал, чтобы дон Пабло сошел с дороги и свел с нее лошадь «со своей потаскухой». Он так и выразился, возможно, впрочем, не слишком хорошо понимая, что говорит. Словечко, которое он подобрал, принадлежало к лексикону такого отребья, что было странно, где вообще он мог его услышать, а главное, услышав, «инкорпорировать» в свой собственный язык. Не раздумывая, дон Пабло ударил его по лицу, и, даром что телосложением дон Пабло был худ, удар оказался такой силы, что «трубач», обливаясь кровью из сломанного носа, упал и потерял сознание. Другие индейцы заволновались. Дон Пабло обнажил шпагу: не «игрушечную», парадную, какие уже входили в моду при дворах Старого Света и даже в Лиме – столице вице-королевства Перу, а самую настоящую, боевую – длинную, тяжелую, грозную, способную колоть и рубить и если рубить, то хоть головы с плеч. Индейцы тоже были вооружены, но – странное дело – сбились в кучу и даже не подумали пойти в атаку. Занавески паланкина раздвинулись, показалось хищное лицо. В отличие от «трубача», обладатель этого лица по-испански говорил превосходно. Но и его лексикон был родом словно из портового кабака. Дон Пабло шагнул вперед. Тогда обладатель хищного лица что-то прокричал на своем языке, обращаясь к охране. Один из индейцев отделился от группы и начал перечислять несуразные, невозможные, нелепые титулы сидевшего в паланкине человека. Мол, вот какая персона перед тобой! Кем бы ты ни был, уходи с дороги! И тут дон Пабло заметил, что взгляд индейца был переполнен злобным торжеством, причем злоба эта явно относилась не к нему, а к сидевшему в паланкине кураке. Такие же взгляды были и у других охранников и у носильщиков. Индейцы словно наслаждались той ситуацией, в которой оказался их хозяин. Тогда дон Пабло вложил шпагу в ножны, вытащил из-за пояса дагу, легонько отодвинул «парламентера» в сторону, подошел к паланкину и, левой рукой ухватив кураку за шиворот, правой поднес к его лицу нож.

– Не знаю, что ты за сволочь такая. – Сказал дон Пабло, не позволяя кураке откинуться внутрь паланкина. – И знать не хочу. Но *ты* запомни мое имя. Я – Пабло де Ленья-и-Аморкон. И если ты прямо сейчас не прикажешь своим людям сойти с дороги, я отрежу тебе уши. И если я когда-нибудь еще услышу о тебе... неважно, как и при каких обстоятельствах: хотя бы в обычной кабацкой болтовне... я приду в твою энкомьенду и порублю тебя на куски при всем честном народе. Я сделаю это, не сомневайся!

От природы смуглое, лицо кураки сделалось пепельным. Возможно, он испугался ножа. Возможно, слышал о доне Пабло, благо его репутация вслед за ним перенеслась через океан, и то, что знали о нем в Мадриде, знали и в Лиме, и в Куско, и в вице-королевстве вообще. А знали о доне Пабло исключительно ужасные вещи: недаром еще капитан «Святого Филиппа» тайком крестился, встречаясь с ним взглядом. Как бы там ни было, но едва дон Пабло отпустил кураку, тот выкрикнул команду, и носильщики стали сходить с дороги. Торжествующая злоба в их взглядах достигла апогея.

– Их всех накажут, – сказала Корикойлюр каким-то особенно грустным тоном.

– Ничего им не будет, – ответил дон Пабло. – Касик – трус, мерзавец, но не дурак.

Корикойлюр промолчала.

Теперь, идя рядом и держа в голове позавчерашнее происшествие, дон Пабло внутренне содрогался. Не потому, что кого-то могли наказать, а потому что закончиться всё могло совершенно иначе. Окажись курака смелее или будь он помягче со своими людьми, лежать бы обоим – и Пабло, и Корикойлюр – на камнях придорожной пропасти. «И черт бы со мною, – думал дон Пабло, – но Звёздочка... моя Звёздочка!»

6

Наступила ночь. Такая же страстная, как и предыдущая. Звезды больше не падали с неба, но – хоть руку протяни! – раскинулись над костром такой красоты серебристым узором, что впервые за много месяцев дон Пабло, уже прислушиваясь к тихому дыханию уснувшей на его груди Корикойлюр, ощутил знакомое из прежней жизни беспокойство. Не за себя, не за любимую женщину, ни за кого вообще. Это беспокойство вызвала пришедшая муза. Требовательная как никогда, потому что так долго отсутствовала. Слова завертелись в голове и стали складываться в строфы. Дон Пабло зашептал:

– Легко на сердце, но в душе – тоска: любовь на сердце, а в душе тревожно. Свет льется серебром, но как же сложно его принять за луч от маяка...

Еще не все строфы выстраивались гладко. Еще не все рифмы оказывались, как прежде, совершенными, отточенными. Еще не все слова метко выражали то, что хотелось бы ими выразить. И все же дон Пабло чувствовал: ничего, что это стихотворение не самое изящное; ничего, что оно никогда не достигнет городских дворцов и загородных замков, оно, однако, лучшее из всего, что было им написано. Хотя бы уже потому, что в нем царила любовь, а не злоба. Царил страх потерять любовь, а не страх оказаться смешным, если бы кто-то счел, что какое-то словечко неудачно. Дон Пабло шептал и шептал: почти до самого утра, почти до того момента, как стал, истончаясь, меркнуть небесный серебристый узор. Только тогда он закрыл глаза и, подобно Корикойлюр, уснул.

7

Следующий день прошел почти так же, как и предыдущий, только однажды омрачившись неприятным разговором.

Где-то ближе к полудню дон Пабло заметил, что Корикойлюр нет-нет да поглядывала на его кольцо: на безымянном пальце левой руки – на единственную настоящую драгоценность, сохранившуюся у него от бывшего богатства.

Собственно, это было даже не кольцо, это был перстень: массивный, с большим, но странного вида бриллиантом. Лет десять назад дон Пабло за изрядную сумму приобрел необработанный алмаз, отнес его придворному ювелиру и велел огранить так, чтобы он приобрел форму геральдического щита и чтобы его можно было вставить в перстень как печать. Ювелир, услышав просьбу молодого человека, пришел в ужас. Он и так, и сяк пытался объяснить, что от этой «операции» алмаз не только сильно потеряет в весе, но и почти обесценится, потому что впоследствии, если возникнет нужда его перепродать, он будет рассматриваться как напрочь испорченный, не поддающийся нормальной переогранке. Да еще и эта дикая идея – вырезать на площадке элементы герба, из-за чего и саму площадку пришлось бы перешлифовывать, причем очень глубоко. И – перстень. «Если, – пылко говорил ювелир, – делать так, нужно полностью стачивать павильон. Вы понимаете, что от камня почти ничего не останется?» Дон Пабло, однако, стоял на своем: хочу, мол, и всё! Хозяин – барин. Ювелир, внимательно оглядев молодого человека, от которого, нужно признать, разило как из винной бочки, покачал головой, но за работу взялся: денег дон Пабло пообещал немало. Да и репутацию он уже и к этому возрасту имел такую, что лучше было закончить спор в его пользу. Хотя ты и придворный ювелир, но всего лишь мастеровой: против бешеного идадьго, способного тут же вспороть тебе живот и выпустить кишки наружу, не попрешь! Может, идадьго и поплатится за свою выходку головой, но утешения от этого мало. А если еще и учесть его семейные связи... бабушка надвое сказала – поплатится ли он вообще за убийство какого-то ювелира! Так и появился на свет странный бриллиант, а вслед за ним – сделанный по размеру безымянного пальца перстень.

И вот, шагая по скверной дороге другого континента и любуясь своей ненаглядной Звездочкой, дон Пабло подметил, что Корикойлюр нет-нет да поглядывала на перстень. Она и раньше должна была его видеть, но теперь он почему-то особенно привлекал ее внимание. Дон Пабло, растопылив пальцы, вытянул перед собой ладонь и тоже посмотрел на него, не понимая, что именно и почему сейчас стало причиной такого любопытства. Затем вопросительно взглянул на Корикойлюр. Та покраснела и спросила:

– Warmiyoq kankichu? Ты женат?

– Нет. С чего ты взяла?

– Когда вы женитесь, вы надеваете кольца.

На мгновение дон Пабло растерялся, но почти тут же от всей души расхохотался. Корикойлюр нахмурилась, из ее карих глаз исчезли золотистые искорки, они налились чернотой.

– Извини! – спохватился дон Пабло. – Я... я просто... Понимаешь, у нас не все кольца – обручальные. Да и это – не кольцо. Печатка.

– Печатка? – переспросила Корикойлюр, незнакомая с этим словом.

Дон Пабло снял перстень с пальца:

– Посмотри.

Корикойлюр, склонившись с лошади, взяла перстень и стала разглядывать камень.

– Видишь... знаки? Резьбу?

– Да.

– Это – мой герб.

– Герб?

– Знак моего рода.

Корикойлюр задумалась.

Трудность заключалась в том, что в Империи отличительные знаки имели совсем другой характер. Существовали особенности в одежде и в прическах – как общие для жителей целых провинций, так и общие для отдельных социальных групп. Существовали символические украшения, как, например, большие нагрудные «медальоны», полученные за храбрость в бою, или подобие сережек в ушах мужчин – отличительный признак принадлежности к правящему классу, к инкам по крови или по привилегии. Но индивидуальных символов, личных или семейных – того, что в Старом Свете получило название герба – не было. Даже высшая родовая знать, происходившая от правителей и образовавшая отдельные «панакы» – группу потомков конкретного царя или императора, – собственной отличительной символики не имела. И даже эмблема самого императора, Сапа Инки, змеи и радуга, не могла считаться его личной эмблемой. Две змеи, удерживающие радугу, являлись чем-то вроде аналога государственного герба, а не «собственностью» одного семейства. И хотя с момента крушения Империи прошло немало лет; хотя многие из представителей бывшей имперской знати слились со знатью испанской и получили собственные гербы, подавляющему большинству коренного населения вице-королевства всё это было в диковинку, причем в диковинку бессмысленную. Можно было понять отличие социального характера, вроде тех же сережек, но понять передаваемое по наследству отличие в виде «рисунка» было не так-то просто. Возможно, было бы проще, если бы, с одной стороны, на европейских гербах изображались только животные, а с другой, коренное население не имело развитых религиозных представлений, сохраняя веру в тотемы – общего предка из животного мира. Но люди, для которых главным богом было Солнце, а главной богиней – Луна, абстрактную семейную символику не понимали. Принадлежность к семье у них определялась кровью и памятью о поколениях, ведущих происхождение от общего предка. На память же никто не жаловался. Даже в обширных сельских айлью¹⁴, порою насчитывавших тысячи семей, каждый мог легко проследить свое происхождение. Никакие «рисунки» никому для этого не требовались.

Вырезанные на камне «линии» явно удивляли Корикойлюр. И не только потому, что они казались ей лишёнными смысла; не только потому, что ей было трудно понять, зачем кому-то иметь «семейный рисунок», но и потому, что эти линии, на ее взгляд, уродовали некогда красивый камень. В лучах полуденного солнца испорченный бриллиант пытался «играть», пытался преломлять лучи, пытался искриться, но всё равно выглядел тускло. Он словно болел, и болел без надежды на выздоровление.

– Зачем? – спросила Корикойлюр, возвращая перстень.

Дон Пабло закусил губу, соображая, как бы наглядно пояснить. Сошел с дороги, присел на корточки и принялся рыться в земле. Нашел кусочек глины, вернулся, размял глину в пальцах, а затем приложил к ней перстень. На глине появился отпечаток.

– Видишь?

– Да.

– Любой, кто разбирается в такого рода знаках, сразу поймет, что это – моя рука, моя подпись, мною заверенный документ или мною составленное сообщение.

– Сообщение! – в голосе Корикойлюр появилось торжество. – Это как наши кипу и кипу-камайюки¹⁵!

¹⁴ Ayllu – многозначный термин, обозначающий а) родовую общину, б) территориальную единицу. В доинкский период преобладало первое значение, в империи инков – второе. Однако и в империи ayllu старались «строить» на принципах родства: это облегчало наблюдение за выполнением ряда законов, налоговый учет, перераспределение земельных наделов внутри общины и так далее.

¹⁵ Khipu катаяуq – чиновник, составлявший и «читавший» кипу – составленную особым образом связку разноцветных нитей с завязанными на них узлами нескольких типов. В кипу «зашифровывалась» самая разнообразная информация: исто-

– Ну... – Дон Пабло замялся. – Почти.

Какое-то время шли молча. Может быть, час, а может, и два: солнце сошло с зенита и стало потихоньку уходить за горы. Дон Пабло видел, что Корикойлюр хотела еще о чем-то спросить, но не решалась. Видел и сам не решался ее подбодрить. Наконец, Корикойлюр не выдержала:

– Ты ничего о себе не рассказывал. Ты был женат? Wañurqaq warmiyki? Твоя жена... умерла?

Дон Пабло покраснел. Затем побледнел. И снова покраснел.

– Нет, – промямлил он, – я... не был женат.

– Почему?

– Ну... как тебе сказать...

– Почему? – Упрямо повторила вопрос Корикойлюр.

А что мог ответить дон Пабло? Рассказать Звёздочке о своей беспутной молодости? О том, что он – совсем не тот благородный рыцарь, за которого она, возможно, его принимала? Поведать истории, благодаря которым его имя сделалось чуть ли не синонимом черта?

– Почему?

– Я... не хотел.

– Почему?

Дон Пабло жалобно посмотрел на Корикойлюр, взглядом умоляя не расспрашивать. Корикойлюр прищурилась:

– Ты – смелый, сильный, красивый, а ночью я слышала, как ты... это были стихи, да?

– Ты слышала?

– Да. Ты – qilqaq? Сочинитель?

– Ну... когда-то я писал стихи. Но потом бросил.

– Почему?

– Это были плохие стихи.

– А мне понравилось. То, что ты нашептывал мне на ухо, звучало как музыка. Не так, как наша, но это было красиво. Почему ты говоришь, что писал плохие стихи?

– Потому что они и были плохими!

И снова Корикойлюр прищурилась:

– Mana allintachu lauca... Смелый, сильный... сочинитель... видишь свет звезд, нашептываешь, будто поешь, и говоришь, что писал плохие стихи. Не был женат. Уехал из своей страны в чужую. Портишь камни. Влюбляешь с первого взгляда. Ты – злой колдун? Ты писал злые стихи?

Во взгляде дона Пабло появился испуг. Догадка Корикойлюр, пусть и выраженная настолько причудливо, оказалась так близка к истине, что это было действительно страшно. И ее глаза, глаза Звёздочки... в них по-прежнему не плескались золотистые искорки, они по-прежнему отливали чернотой, а не карим. От испуга дон Пабло даже остановился и произвольно сильнее сжал в кулаке поводья. Ему почудилось, что лошадь и сидевшая на ней Корикойлюр вот-вот исчезнут из его мира или его собственный мир исчезнет из мира лошади и сидевшей на ней Корикойлюр. Наваждение и вызванный им ужас были настолько сильными, что на лбу дона Пабло выступил пот.

– Не уходи!

– Почему?

– Я тебя люблю!

рические сведения, налоговые подсчеты, различные новости, передававшиеся из разных концов империи. На протяжении довольно длительного времени кипу использовались и после испанского завоевания, причем испанские власти рассматривали их как официальные документы, а составлявших и расшифровывавших кипу людей приравнивали к чиновникам колониальной администрации.

Искорки вернулись в глаза Звёздочки, и сами глаза снова стали карими. И в этот же миг уходившее на запад солнце оказалось за ее спиной, и вся она погрузилась в его сияние, будто оделась в него. Дон Пабло выпустил из руки поводья, упал на колени и, взяв в ладони обутую в сандалию ступню Корикойлор, прильнул к ней лицом – не целуя, просто прильнул. Потом отпустил, запрокинул голову и посмотрел на улыбающуюся в солнечном свете женщину.

– Нет, – сказала она, – ты не злой колдун.

– Я был им.

– Может быть.

– Но больше никогда не буду!

– Не будешь.

Дон Пабло поднялся на ноги, взял повод, и лошадь опять пошла вперед.

8

Оба молчали почти до темноты. А когда пришло время становиться на очередную ночевку, старались не смотреть друг на друга, делая вид, что каждый занят своим. Дон Пабло возился с костром: обычно он разводил его умело и быстро, но теперь минуты летели за минутами, а толку было чуть. Корикойлюр разделявала на порции сушеное мясо: обычно у нее получалось ловко, но теперь – нет. Однако так не могло продолжаться вечно. Костер разгорелся. Мясо было поделено. Только ни дону Пабло, ни Корикойлюр было не до еды. Теперь они смотрели друг другу в глаза.

– Выходи за меня замуж, – робко произнес дон Пабло.

– Не могу, – так же робко ответила Корикойлюр.

– Ты совсем не любишь меня?

– Люблю.

– Тогда почему?

– Потому что и ты не можешь на мне жениться.

– Как это?

– Просто: твоя Церковь никогда не признает наш брак.

Словно собираясь возразить, дон Пабло открыл рот, но тут же снова закрыл его, сжал губы и нахмурился: Корикойлюр была права. Конечно же, Церковь никогда не признает законным брак между ним, христианином, и ею, язычницей! И хотя иногда церковные власти творили настоящие чудеса изворотливости, как, например, в деле женитьбы Сайри Тупака¹⁶ на родной сестре, но тогда речь шла о политической выгоде, а главное – главное! – Инка крестился под именем Диего, и его сестра, Куси Уаркай, тоже крестилась. Папа Римский Юлий III дал им личное соизволение. Но разве Папа даст соизволение на брак какого-то Пабло и какой-то Корикойлюр, пусть даже обряд между христианином и язычницей выглядит меньшим нарушением церковных норм, нежели женитьба брата на родной сестре?

Дон Пабло расстегнул ворот рубашки и дотронулся до висевшего на цепочке крестика:

– Нет?

Корикойлюр покачала головой:

– Нет.

– Но ведь твои собственные короли крестились! Даже тот, который прямо сейчас в Вилькабамбе! Там, куда мы направляемся!

– Если сын Солнца отказался от собственного отца, это его личное дело. Я – не дочь Солнца, но верю в него и отказываться от него ради снятого с креста покойника не собираюсь. Солнце я вижу каждый день: встающим по утрам – тогда же, когда встаю и я; идущим по небосводу – тогда же, когда и я куда-нибудь иду; уходящим на покой – тогда же, когда и я ложусь спать. А где и как увидеть твоего Христа? Деревянным на деревяшках? В любой из наших деревень резчики по дереву и не такое могут изобразить! Не только же посуду они умеют выделывать.

– Ты богохульствуешь, – сказал дон Пабло, но как-то неуверенно.

– Ты тоже, – улыбнулась Корикойлюр.

– Я?

– Конечно. Ты возводишь хулу на моих богов.

¹⁶ Сын Манко Инки Юпанки – последнего законного императора Тауантинсуйу и основателя и первого правителя независимого государства в Вилькабамбе. После смерти отца стал вторым правителем Вилькабамбы. В результате длительных переговоров с испанцами согласился пройти обряд крещения и переселиться в контролируемый колониальными властями город Юкай, получив одновременно с этим титул наследственного сеньора Юкая, обширные поместья и разрешение – по обычаю инков – жениться, как Сапа Инка, на собственной сестре.

Дон Пабло не нашелся с ответом. Он склонил голову, продолжая держать в пальцах висевший на цепочке крестик, и мелко задрожал. А потом резко схватил Корикойлюр за плечи и почти закричал:

– Я не могу без тебя!

– Я тоже.

– Тебя отнимут, если мы не поженимся! Даже в этой чертовой Вилькабамбе! Ты понимаешь?

– Да.

– И всё равно – нет?

– Нет.

Дон Пабло отпустил Корикойлюр и отступил на шаг. Пристально посмотрел на Звёздочку и вдруг сорвал с шеи цепочку. Сжал ее и крестик в кулаке, помедлил, размахнулся и бросил их куда-то в темноту:

– Бог простит, Он знает человеческие сердца.

Корикойлюр приблизилась к нему и взяла его за руки:

– Если твой бог действительно отец всем людям, конечно простит.

Дон Пабло перевел взгляд на небо. Как и в первую ночь любви, небо осыпалось звездами.

9

Эта ночь тоже была ночью любви, но не такой, как две предыдущие. Дон Пабло не делал ничего: всё делала Корикойлюр, и что бы она ни делала, дон Пабло позволял ей всё. Она будто утверждала свою власть над ним, а он соглашался с нею и с тем, что ее власть над ним безгранична. Временами это было приятно, временами мучительно. Иногда наслаждение настолько граничило с пыткой, что непонятно было – от боли стонал дон Пабло или от удовольствия. Корикойлюр возбуждала его, брала, склонялась над ним, кусала его соски – не с нежностью, а сильно: так, что появлялись болезненные синяки, – давая отдых, переворачивала на живот и ласково водила пальцами вдоль позвоночника. И снова возбуждала, снова брала, снова то открывала перед ним великолепный мир невероятного наслаждения и счастья ощущать себя в любимой женщине и в ее руках, то вышвыривала из этого мира в мучительный мир непонимания: зачем любимый человек причиняет тебе боль?

Звездопад прекратился, Корикойлюр и не заметила его. Под утро, когда – еще совсем неуловимо – стало светать, она легла рядом с доном Пабло, обняла его, сама положила голову ему на грудь и крепко уснула. А дон Пабло не спал. Он смотрел на гаснувшие звезды и думал о том, что произошло. Собственная решимость отступить от Бога пугала его. Теперь, глядя на светлевшее небо, он вовсе не был уверен в том, во что вчера готов был поверить. Простит ли Бог такую измену? Достаточно ли знания человеческих сердец для того, чтобы проявить отеческую снисходительность? Может ли плотская любовь служить оправданием отступничества? И даже если она, эта любовь, не только плотская, а такая, что хоть в огонь, хоть в воду? Прислушивался к дыханию Корикойлюр, прислушивался к биению собственного сердца и не находил утешительных ответов. Мир, еще вчера казавшийся сложившимся и ясным, раскололся. Да, никто не назвал бы его, дона Пабло, примерным христианином. Да, он, дон Пабло, был грешником, да таким, которого почти наверняка ожидала геенна огненная. Но всего-то несколько дней назад он был готов измениться. Всего несколько дней назад к нему вернулась муза – не в злом, а в добром облики. Всего несколько дней назад он мог бы испросить прощения. А что теперь? У кого спрашивать прощение? У поднимавшегося над горной долиной солнца? У этой раскаленной глыбы, в которой – он, дон Пабло, знал это наверняка – не было ничего божественного, ничего одухотворенного? И где она – добрая муза? Куда пропала? Ушла в темноту вслед за выброшенным в темноту крестиком? Вчера Корикойлюр назвала его злым колдуном, и он согласился. Вчера Корикойлюр поверила в то, что никогда больше он злым колдуном не будет. А что получалось?

– Звёздочка, Звёздочка... – прошептал дон Пабло. – Что ты со мной сделала?

Но тут же представил, что Корикойлюр не стало. Вот так, вдруг: исчезла или ушла. Или ее и вправду отняли по кем-то написанным законам. Представил и испугался еще больше:

– Нет, не может такого быть, чтобы Бог не простил. Он видит и понимает, что я не могу без тебя... Звёздочка, *моя* Звёздочка!

Корикойлюр пошевелилась. Дон Пабло погладил ее по волосам:

– Спи, родная, еще рано, еще почти ночь. Утро еще не настало.

10

Весь следующий день Корикойлюр посвящала дон Пабло в премудрости верований своего народа. Дон Пабло слушал, и голова у него шла кругом: от обилия имен, смешения функций, непонимания того, как бог или богиня могут быть камнем или кристаллом, а еще – от удивительной на его взгляд перемены верховенства. В юности, как подобало в то время, ему преподавали мифологию греков и римлян. Верования кечуа чем-то походили на нее, но различий было столько, что он ничего не понимал.

– Если, – спрашивал он Корикойлюр, – Инти, бог солнца и сын Виракочи, стал главным, значит, он убил своего отца или заключил его в этот... как его... Уку Пача? В подземный мир? В мир мертвых и нерожденных?

– Что ты! Что ты! – Отвечала Корикойлюр. – С чего ты взял? Как это можно – убить собственного отца?

Тогда дон Пабло рассказывал о рождении Зевса, свержении Крона и заточении Крона в Тартар – как получалось, почти аналог здешнего Уку Пача. Корикойлюр внимательно слушала и качала головой:

– Нет, всё не так. Инти не свергал своего отца.

– Но если Инти его не сверг, значит, Виракоча всё-таки главный?

– Нет. Главный – Инти.

– Но как же так?

Корикойлюр старалась объяснить, но всё, что мог понять дон Пабло – это то, что однажды некий Инка Пачакутек, в тот момент – верховный правитель государства, приказал считать главным не творца всего, а своего собственного предка – бога солнца. Выходило, что в человеческой власти поменять местами богов, а это было уже не только странно, но и нелепо.

– Но ведь, – парировала Корикойлюр, – твой народ верит в то, что Сын главнее Отца, чему же ты удивляешься?

– Христиане, – отвечал дон Пабло, – верят в Троицу, в которой Отец, и Сын, и Святой Дух едины. Это не разные боги. Это один Бог.

Корикойлюр смеялась:

– Как сын может быть одновременно собственным отцом? Извини, но твои соплеменники – loq'okuна! Больные на голову. Сумасшедшие!

На это дон Пабло только хлопал глазами, и рассказ о верованиях погибшего Тавантинсуйу продолжался.

Мама Килья – богиня Луны, сестра и жена Инти, мать Манко Капака, основателя и первого правителя государства, откуда традиция, чтобы Инка – верховный Инка – женился только на родной сестре. Всем остальным такие браки запрещены. Пачамама – богиня плодородия, и она же сотрясает землю...

– Подожди, подожди! – Взмолился дон Пабло. – Разве землетрясения улучшают урожаи?

– Нет. Они разрушают каналы, сбрасывают плодородную землю с полей¹⁷, губят посевы и всходы.

– Зачем же тогда богиня плодородия устраивает землетрясения?

– А зачем христианский бог устроил потоп?

И снова дон Пабло только хлопал глазами, не зная, что и ответить кроме банального «за грехи». Но если ответить так, значит, и Пачамама имела полное право наказывать людей

¹⁷ В условиях горной местности Перу многие пахотные поля находились на естественных или искусственно созданных и укрепленных ограждениями террасах. Плодородную землю на террасы доставляли из долин. Землетрясения разрушали ограждения и действительно приводили к тому, что тонкий слой плодородной почвы оказывался «сброшенным с поля».

за грехи? Причем всего-то лишая их урожая, а не убивая всех скопом! И ведь каково: предусмотрительные правители Империи понастроили по всему государству продовольственных складов, так что трясина Пачамама землю, не трясина, а люди голодать не будут! Это тебе не утопить всё живое разом, оставив на плаву одного только Ноя с семейством и «каждой твари по паре»!

– Ильяпа, бог грома и молний, у него мы просим хорошую погоду.

– Чего-чего? – изумился дон Пабло. – Это как? Хорошая погода от бога грозы?

– Но ведь просят христиане хорошую погоду у пророка Ильи, которого называют громовержцем?

Дон Пабло разинул рот:

– Откуда ты всё это знаешь?

Корикойлюр усмехнулась:

– Миссионеры – в каждой энкомьенде. Такие смешные вещи рассказывают! Ты спрашиваешь меня, почему погоду просят у *бога*. Почему тебя не смущает, что за ней обращаются к тому, кто и богом-то не является?

Дон Пабло сделался мрачен. Он понял, что больше ничего не понимает. Где правда, а где ложь? Чем христианство отличается от язычества? Он даже не рискнул расспрашивать Звёздочку о человеческих жертвоприношениях, которые, по слухам, в Империи осуществлялись каждый год – на главной площади Куско, перед храмом Кориканча, храмом того самого Инти, который являлся главным при живом отце и стал таковым всего лишь волей простого человека. Догадался: Корикойлюр и на это найдется с ответом! Например: чем не человеческие жертвоприношения истинному Богу – сожжение еретиков или отступников вроде него самого, Пабло? И всё же, как и на рассвете, билась в нем страшная мысль о расколе мира, о тягостном преступлении, за совершение которого никогда ему не будет прощения. Он смотрел на Корикойлюр, и только – так же, как и на рассвете – еще более сильный страх, страх потерять ее, удерживал его от того, чтобы не заткнуть уши и не броситься прочь. А Корикойлюр продолжала рассказывать, и голос ее звучал так красиво, и слова она подбирала и выговаривала так удивительно, и в глазах ее плескались такие золотистые искорки, и ее волосы так манили своим шоколадным оттенком, и губы – слегка припухлые, и улыбка – за нее можно было умереть! И родинка у левой брови: дон Пабло смотрел на эту родинку и понимал еще и то, что даже если прямо сейчас к нему снизойдет ангел и предложит на выбор остаться с Корикойлюр или погибнуть навсегда, он выберет первое. Потому что уже не мыслил себя без этой родинки. Его сердце сжалось, на душу накатила такая тоска, что на глаза невольно навернулись слезы.

– Почему ты плачешь? – прервав рассказ, спросила Корикойлюр.

– Не обращай внимания, – ответил дон Пабло. – Это... это от счастья.

– Правда?

– Конечно.

Корикойлюр склонилась с лошади и пальцами провела по лицу дон Пабло, вытирая с него слезы. Прикосновение было таким нежным и в нем было столько любви одновременно – дон Пабло это почувствовал – с искренней тревогой, что, уже не сдерживаясь, он заплакал навзрыд.

– Звёздочка... – захлебываясь слезами и еле ворочая языком, выговорил он. – Звёздочка... что ты со мной делаешь?

– Я тебя люблю, – ответила Корикойлюр и соскользнула с лошади.

– Я тебя люблю! – повторила она, всем телом прижавшись к обнявшему ее дону Пабло.

– Я тебя люблю!

Всхлипывая, дон Пабло приподнял ее – так, чтобы их лица оказались на одном уровне. Корикойлюр обхватила его ногами, обняла руками за шею и поцеловала. Сердце дон Пабло, только что сжимавшееся в почти безжизненный комочек, затрепетало, расправилось и забилось с такой быстротой, что чудо, как оно не разорвалось.

11

Если в первые дней десять-двенадцать пути дорога не казалась совсем безжизненной, то к началу третьей недели полностью обезлюдела. Перестали встречаться тамбо – постоянные дворы, – городки, деревни и энкомьенды. Корикойлюр объяснила это близостью *юнки*, сельвы, джунглей, которых инки, до того как отступить в них, боялись как огня и которых испанские завоеватели тоже не жаловали. В Империи, бывало, сюда приводили народ на миту – выращивать коку, но жить постоянно – не жили.

Климат и впрямь ощутимо изменился: с каждым днем повышалась влажность и становилось теплее. Где-то здесь, уже недалеко, проходила условная граница между новоявленными испанскими владениями и тем, что сами же испанцы называли королевством Вилькабамба. После того, как в 1566 году Инка Тито Куси Юпанки подписал с колониальными властями мирное соглашение, королевство считалось вассальным по отношению к испанской короне, но реальное положение дел заставляло колониальные власти относиться к нему с опаской. Даже когда – пару лет спустя – Инка принял христианство, никто без нужды на территорию последнего независимого индейского государства старался не проникать. Только миссионеры постоянно проживали в его столице, но поступающие от них известия были редкими и не очень-то обнадеживающими. Как говорится, в воздухе отчетливо пахло войной, к которой, впрочем, не стремилась ни одна из сторон, но которая могла разразиться при малейшем поводе и от любого пустяка. Миссионеры доносили, что сделать из Инки настоящего католика не получалось: он явно и открыто поощрял язычество своих подданных, а его брат так и вовсе абсолютно официально занимал должность жреца и хранителя при мумии их общего отца¹⁸. В Вилькабамбе не было ни одного христианского храма, ни одной церквушки, зато – по сообщениям всё тех же миссионеров – имелся великолепный храм Инти, бога солнца, за малым не аналогичный по роскоши, а то и превосходивший в ней разрушенный в Куско Кориكانча.

Путешествие подходило к концу. Дон Пабло и Корикойлюр, оба одинаково неуверенные в том, что ожидало их по его завершении, нарочно медлили, сокращая дневные переходы и останавливаясь на ночлеги задолго до наступления темноты. Корикойлюр больше не читала «лекции» о верованиях своего народа, а дон Пабло отбросил мысли о последствиях своего отступничества. Они просто наслаждались друг другом: психологически – от того, что были вместе, и физически – каждый день и каждую ночь открывая друг в друге всё новые и новые, присущие только им, особенности и желания. Они наполнялись друг другом и вместе с тем истощали друг друга до предела и даже больше предела: когда у обоих иссякали силы, они просто лежали рядышком, смотрели друг на друга и не могли насмотреться. Губы что дон Пабло, что Корикойлюр распухли от бесчисленных поцелуев. Иногда казалось, что целоваться больно, но они продолжали целоваться и не могли остановиться.

– Я тебя никому не отдам, – повторял и повторял дон Пабло.

– Только попробуй! – отвечала Корикойлюр.

– Я умру без тебя, – повторял и повторял дон Пабло.

– Просто не отдавай, – отвечала Корикойлюр.

– Если я не смогу быть с тобой, я убью сначала тебя, а потом себя, – повторял и повторял дон Пабло.

¹⁸ Манко Инки Юпанки. Мумии правителей (впрочем, не только правителей) превращались в *уака* (*wak'a*) – «объекты почитания», наделенные сверхъестественными силами. К мумиям обращались за советами, по торжественным случаям и на больших праздниках их выносили на всеобщее обозрение в открытых паланкинах, причем паланкины несли законные дети или другие законные прямые потомки этого умершего человека. Разумеется, такие верование и обычай шли вразрез с официальной идеологией католичества и при первой же возможности все мумии-уака были испанцами уничтожены.

– Убей! – отвечала Корикойлюр.

12

Так прошли еще дней пять или шесть, а потом граница была перейдена. Обнаружилось это сразу, даже внезапно: откуда ни возмись, появился большой отряд вооруженных индейцев. Их предводитель, назвавший себя пачака камайоком¹⁹, сначала долго и с удивлением смотрел на странную парочку, а затем потребовал объясниться. Говорил он на таком ужасном испанском, что дон Пабло едва его понимал. Дон Пабло попробовал было обратиться за помощью к Корикойлюр, чтобы та послужила переводчиком, но Корикойлюр шепотом объяснила, что это невозможно: слушать женщину пачака камайок не станет. Так оно и было: индеец требовательно обращался к дону Пабло, а на Корикойлюр, когда та заговорила, грозно шикнул, прибавив какие-то слова, услышав которые, Звёздочка опустила глаза и замолчала. Дон Пабло растерялся:

– Черт побери! Как же мы будем разговаривать, если ни ты, ни я друг друга не понимаем?

Индеец, однако, ничуть не смутился: он быстро-быстро заговорил на своем языке, перемеживая его с испанскими словами, и так сверкал глазами, делал такие грозные и недвусмысленные жесты, что дон Пабло решил положить этому конец единственно возможным способом: вытащил из ножен шпагу и протянул ее эфесом вперед, показывая, что попросту сдается. Веди, мол, в плен или куда там у вас полагается. «Авось, – при этом думал он, – упрямый пачака камайок приведет его и Звёздочку в столицу Вилькабамбы, а там наверняка найдутся те, кто смогут послужить переводчиками. Да хоть те же миссионеры в конце концов!»

Пачака камайок, увидев, что дон Пабло обнажает шпагу, замолчал, напрягся, но следующий жест понял превосходно.

– Mana muchuy!²⁰ – отмахнулся он.

А вот это превосходно понял уже дон Пабло. Действительно: сдалась индейцу с сотней вооруженных воинов какая-то шпага какого-то испанца! Дон Пабло сунул шпагу обратно в ножны. Пачака камайок отдал своим людям команды, и дон Пабло с сидевшей на лошади Корикойлюр оказался окруженным. Отряд неспешным шагом двинулся в сторону видневшихся на горизонте поросших лесом предгорий.

Пачака камайок вел отряд и находился где-то далеко впереди, зато непосредственно окружавшие дону Пабло и Корикойлюр индейцы были очень – как бы это сказать? – раскованными. Они не скрывали своего любопытства, пытались расспрашивать, но так как испанского они не знали вообще, беседа не налаживалась. Тогда один из них заговорил с Корикойлюр, та ответила, и настроение индейцев, в котором только что преобладал обычный интерес к чему-то новенькому и неожиданному, резко переменилось. На дону Пабло устремился десяток изумленных взглядов, после чего от раскованности не осталось и следа. Один из индейцев прикрикнул на других, лица тех мгновенно приобрели непроницаемую отстраненность – почти такую же, какую еще пару недель назад дон Пабло с болью наблюдал на лице своей Звёздочки. А тот, что прикрикнул, изобразил подобие поклона и сказал:

– Nanachikuni.

Встал во главе десятки и тоже превратился в отстраненную непроницаемость. Дон Пабло вопросительно посмотрел на Корикойлюр.

– Это, – подбирая слова, попыталась объяснить она, – многозначное выражение. Оно означает и то, что говорящий выражает уважение, и то, что говорящему причинена ужасная боль. Зависит от ситуации.

– А сейчас?

¹⁹ Буквально «старший над сотней», сотник.

²⁰ Не нужно!

– Не знаю.

Дон Пабло пристально посмотрел на Корикойлюр, но та, похоже, и вправду не знала, что именно хотел выразить индеец.

– А сама-то ты что им рассказала?

– Правду.

– Но ведь и «правда» – многозначный термин! – воскликнул дон Пабло. – Что значит – «правду»?

– Всё как было и всё как есть.

– И что это означает? Почему они так переменились?

– Вот это как раз легко объяснить! – Корикойлюр улыбнулась. – Мгновение назад ты был для них обыкновенным бродягой, каких полно приехало из твоей страны. А сейчас ты – инка, подобие инки: на ваш лад. Они тебе не ровня. Ведь кто они? – Корикойлюр запнулась, подбирая определение. – *Chakra runakuna*, крестьяне. Служа в армии, они отрабатывают миту: в *Willka rampra* всё заведено так же, как было раньше. Они – не профессиональные воины. Два-три месяца, и они разойдутся по домам. А на их место, если в этом будет нужда, призовут других.

– А этот, – дон Пабло кивнул на шедшего впереди десятки индейца, – разве не профессиональный воин? Он же вроде бы главный среди вот этих людей?

– Главный, – подтвердила Корикойлюр. – Но он всего лишь *чункакамайок*²¹. Его положение не сильно отличается от положения остальных. Он тоже отрабатывает миту, а когда отработает, вернется к своим обычным занятиям. Он не крестьянин, но такой же *kamachi*, как и они.

– Кто?

– Обязанный налогами, – немного коряво пояснила Корикойлюр. – *Sillpa runa*. Простой человек. Вот *пачака камайок* – другое дело. Он даже может быть инкой, хотя навряд ли: на нем нет отличительных знаков инки. Или сыном какого-нибудь кураки. Военная служба для него – занятие единственное и постоянное. В любом случае, он точно не *sillpa runa*.

– Если бы он еще умел говорить по-испански!

Корикойлюр засмеялась. Услышав ее смех, индейцы было обернулись на него, но тут же снова приняли отстраненно-непроницаемый облик.

– Он говорит на *runasimi*²², *человеческом* языке. Это ты, с его точки зрения, не умеешь разговаривать!

Дон Пабло покраснел. И в самом деле: с какой стати он решил, что кто-то должен понимать его, а не он других?

²¹ Буквально «начальник над десятью», десятник.

²² То есть на кечуа. Во времена империи инков – универсальном языке общения для всего населения независимо от того, каким у того или иного присоединенного к империи народа был родной язык. Вплоть до восстания Кондорканки (1780 год) знание кечуа являлось также обязательным для чиновников колониальной администрации вице-королевства Перу.

13

Дорога, по которой шел отряд, преобразилась. Она явно была проложена сравнительно недавно и поддерживалась в прекрасном состоянии даже несмотря на то, что проходила через местность, расчищенную от леса, бороться с которым во влажном и теплом климате было не так-то просто. Стиснутая в узкой долине, она, тем не менее, по обеим сторонам окаймлялась возделанными полями – маисовыми и коки. Сколько стоило труда удерживать джунгли от наступления, оставалось только догадываться. Дон Пабло смотрел по сторонам и поражался трудолюбию обустроивших всё это людей. В отличие от прочих андских кордильер, с начала конкисты пришедших в запустение, и даже в отличие от сьерр Испании, своим безлюдьем наводивших тоску, кордильера Вилькабамбы выглядела так, словно ее обладало внимание Бога. Если на территории вице-королевства почти беспредельно хозяйничали шайки разбойников под водительством желавших урвать кусок пожирнее высокородных и не очень бандитов, то здесь, на землях последнего независимого индейского государства, царил образцовый порядок. Там – разрушенные ирригационные каналы, заброшенные поля, поработанные и согнанные в энкомьенды несчастные, здесь – всё так, как будто не было никакого нашествия: как будто Империя продолжала жить. Заставляя трудиться – да. Но обеспечивая каждого всем необходимым для жизни. Дон Пабло слышал от тех, кто успел застать Империю в ее прежнем виде, что в ней понятия не имели о нищете, попрошайничестве, смерти от голода или изнеможения. Неспособные к труду – увечные от рождения, калеки из-за несчастных случаев, вдовы, оставшиеся без кормильцев, старики и старухи – получали содержание от государства. Это казалось басней, выдумкой, потому что больше нигде такого не было, но рассказчики настаивали на том, что всё это – правда. Конечно, добавляли они, инки не отличались снисходительностью к лентяям, а их законы были таковы, что за любой проступок следовало беспощадное наказание, немыслимое в Старом Свете. Но если ты трудился, знал свое место, не воровал, не любодейничал, тогда от рождения и до смерти от старости ты был обеспечен пропитанием, кровом над головой, добротной одеждой и даже – в это верилось особенно трудно – женой и потомством: каждому молодому человеку, вступившему в определенный возраст, подбирались пара. Более того, жениться было обязанностью, а не правом: холостяками в Империи могли быть только мальчишки и вдовцы. Завоеватели в одночасье разрушили веками создававшуюся систему. И вот – голодные, нищие, оборванные, изможденные люди стали в колонии такой же обыденностью, какими они были в любой европейской стране.

Дон Пабло смотрел по сторонам, вглядывался в лица окружавших его индейцев и начинал во всё это верить. Собранные отрабатывать «армейскую миту» *chakra runakuna*, как назвала их Корикойлюр, любой из этих, как их назвала она же, *sillpa runa* отнюдь не выглядел недовольным выпавшим ему жребием. Не выглядел оборванцем, как это бывало с наемниками на службе конкистадоров. Не выглядел голодным, не говоря уже об истощении от голода или непосильной работы. В колонии индейцы каждый год умирали сотнями тысяч, их численность стремительно сокращалась. В Вилькабамбе, похоже, население росло. Во всяком случае, окружавшие дон Пабло индейцы были по большей части молоды, а значит, родились уже здесь. Контраст с испанскими владениями был настолько разительным, что на ум поневоле приходило сравнение с саранчой, обрушившейся на тщательно культивируемое поле и за считанные часы сожравшей всходы без остатка.

14

Дон Пабло посмотрел на Корикойлюр и обнаружил, что она тоже смотрит на него: внимательно и с выражением лица необыкновенно серьезным.

– Что? – спросил дон Пабло.

– Я никогда не видела тебя... таким, – ответила Корикойлюр.

– Каким?

– Т'ику... Не знаю, как это перевести... погруженным в себя... нет, не просто погруженным. И не в себя. Вышедшим из себя, за пределы своего тела. Или даже не так, а вот так: как будто к тебе прикоснулся ари. Дух. Как будто он что-то тебе говорит, а ты его внимательно слушаешь. Что он тебе сказал?

Дон Пабло улыбнулся:

– Что я буду любить тебя вечно.

Корикойлюр нахмурилась:

– Духи такого не могут сказать.

– Почему?

– Потому что вечность в сознании – удел богов, а сознание человека ограничено только этим миром. Не зря же, когда мы умираем, мы переходим в мир тех, кто еще не родился. Ты можешь представить еще не родившегося, но уже влюбленного человека? Того, кого еще нет, но кто уже наделен сознанием?

И снова дон Пабло улыбнулся:

– Глядя на тебя и слушая тебя, я могу представить всё что угодно! И потом: пусть мир еще нерожденных и умерших один, разница между ними очевидна. Умершие *жили*. Понимаешь? Они знали вот этот мир. Они имели сознание в нем и любили. Откуда тебе знать: может, умерших для того и помещают в мир нерожденных, чтобы их души подготавливали души тех, кто еще ничего не познал? На днях ты рассказывала об уака и о том, что вы советуетесь с ними, и что они отвечают вам. Как бы они могли осмысленно отвечать, если бы у них не было сознания?

– Уака – это...

– Такие же люди, как мы с тобой. Вернее, были такими же людьми. А сейчас они находятся *там*. – Дон Пабло пальцем указал на землю. – Их души находятся там. Там же, где души нерожденных.

Если раньше, когда Корикойлюр посвящала его в премудрости верований своего народа, глазами хлопал дон Пабло, то теперь хлопать глазами настала очередь Корикойлюр. Она явно растерялась.

– Видишь, нет ничего невозможного в том, чтобы умереть и оставаться в сознании. Умереть и продолжать любить. То есть любить вечно. А если так, нет ничего невозможного в том, что апу, как ты его называешь, сказал мне: «Пабло! Ты будешь вечно любить Корикойлюр!»

15

До заката оставалось совсем недолго, когда отряд остановился на ночлег подле тамбо, типичного за тем лишь исключением, что в нем ни за что не нужно было платить. Этот тамбо, как некогда и при Империи, являлся государственным учреждением, и его единственным предназначением было обслуживать путешественников по государственным делам: давать им пищу и кров. Правда, вместить всю сотню он не мог, но, видимо, в этом и не было нужды: воины на походе должны были спать под открытым небом. Что же касается ужина, то в Вилькабамбе придерживались старого обычая, о котором дон Пабло тоже был наслышан: никто никогда не ел под крышей, насколько бы высокопоставленным человеком он ни был. Прямо на земле расстилалось полотнище, на него выставлялись еда и питье, люди рассаживались спина к спине, если только не было какого-нибудь торжества, когда садились лицами друг к другу, и ели и пили отмеренные порции.

К приходу отряда в тамбо явно были готовы: приготовления не заняли много времени. Чункакамайок, в обязанности которого, как пояснила Корикойлюр, входило и наблюдение за тем, чтобы каждый из подчиненных ему людей получил положенный рацион, лично распоряжался. Так же поступали и другие десятники, и делалось все быстро и споро. Дон Пабло повидал немало бардака в испанских войсках, когда наступало время готовки и дележки пищи. Эффективная простота организации и слаженность действий в индейском отряде его удивили.

– Неужели всегда так? – спросил он у Корикойлюр.

– Здесь – да. А раньше так было везде.

На ужин подали тушеную похлебку из маиса с добавлением бананов. Бананы в горячей похлебке удивили дону Пабло не меньше, чем царивший вокруг порядок. Но если бананы просто его удивили, то обилие жгучего перца неприятно поразило. Несмотря на соблазнительный вид и ароматный пар, есть такую похлебку было решительно невозможно! Однако индейцы ели ее с видимым удовольствием. С таким же удовольствием ела ее и Корикойлюр. А когда он попробовал потушить пожар во рту чичей²³, его лицо и вовсе вытянулось: даже самое дрянное вино, которое он в жизни не стал бы пить, показалось ему желанным напитком.

– У нас ведь есть еще сушеное мясо? – жалобно спросил он. – И простая вода здесь где-нибудь найдется?

Корикойлюр хихикнула. Только что невозмутимо-отстраненные индейцы, глядя на мучения дона Пабло, тоже захихикали. Чункакамайок поначалу нахмурился, но и он не выдержал и захихикал. Дон Пабло вскочил на ноги и бросился в тамбо. Вскочил и чункакамайок: побежал за ним. Вскочила и Корикойлюр, понимая, что без нее никак не объясниться. Порядок был нарушен, поднялась суета.

– Ima qhatichkan?²⁴ – грозно раздалось за спинами.

Все обернулись. Взгляд явившегося на суету пачака камайюка не просто излучал гнев: этот гнев, казалось, изливался огнем, да так, что вот-вот могла бы загореться тростниковая крыша тамбо. Чункакамайок посерел. Корикойлюр спряталась за дону Пабло. Дон Пабло остался один на один с взбешенным начальником отряда.

– Пить! Вода! Понимаешь? – стараясь подбирать как можно более простые слова, заговорил он и одновременно принялся жестикулировать: показывал на горло, тяжело дышал, делал вид, что подносит к губам емкость с водой и глотает.

²³ Ферментированный алкогольный напиток из зерен маиса, кинуа или других злаков. В описываемое время и в Империи готовился очень просто: женщины разжевывали зерна в кашницу и выплевывали ее в кувшины с теплой мутной водой, где и происходило брожение.

²⁴ Что происходит?

Очевидно, жестикулировал дон Пабло так же смешно, как смешно выглядел, когда поперхнулся сначала похлебкой, а потом и чичей. Во всяком случае, взгляд пачака камайюка сначала смягчился, а затем в нем появились искорки смеха. Только что грозный, теперь индеец явно старался не рассмеяться. Махнув на дону Пабло рукой, он обратился с каким-то вопросом к стоявшему навывтяжку и все еще серому от страха десятнику. Тот быстро-быстро заговорил, а когда закончил, пачака камайюк уже и в самом деле давился от смеха. Он пытался сдержаться, но, как прежде и все остальные, не выдержал. И смех его, когда он все-таки рассмеялся, был настолько заразительным, что засмеялись и чункакамайюк, и Корикойлюр. Все трое смеялись так, что слезы лились из их глаз. Лились они и из глаз дону Пабло, но не от смеха, а от обиды и потому, что язык и горло всё еще отчаянно жгло, облегчения не было, и никто, похоже, не собирался прийти ему на помощь. Даже Звёздочка! Даже она!

– Пить!

Новый взрыв смеха.

– Вода!

Пачака камайюк схватился за живот. Чункакамайюк вытирал слёзы. Корикойлюр, со спины обхватив дону Пабло руками, головой уткнулась в него и аж подрагивала от хохота, что было особенно обидно.

Дон Пабло плакал, моргал, но больше не произносил ни слова и не делал никаких жестов. Он понял, что так добиться помощи от веселящейся троицы невозможно. К счастью, пачака камайюк вспомнил о своем достоинстве, резко оборвал смех, по-прежнему, однако, давясь от него, и отдал чункакамайюку короткий приказ. Чункакамайюк, отстранив от дону Пабло Корикойлюр, взял его за руку и буквально потащил за собой: на выход из тамбо и вокруг него.

За тамбо, почти у его задней стены, обнаружился источник. Увидев его, дон Пабло вырвался, упал на колени и стал пить – жадно и не стесняясь того, какое впечатление он производит: стесняться, в сущности, было уже нечего. Напившись и затушив «перечный» пожар, он ополоснул лицо, вымочил в воде взмокшие от пота волосы, пригладил их и поднялся. Пачака камайюка поблизости не было. Чункакамайюк стоял рядом, но на него дон Пабло даже не взглянул. Он устремил пристальный и полный укоризны взгляд на Корикойлюр, и та покраснела.

– Извини, – коротко произнесла она.

– Вечная любовь! – ответил дон Пабло.

Корикойлюр поняла иронию и покраснела еще гуще. Дон Пабло вздохнул: смущенная, Звёздочка выглядела настолько прекрасно, что не простить ее было невозможно. Пусть даже в ее смущении не было ни капли раскаяния.

– Я тебя люблю, – уже без иронии сказал дон Пабло.

Корикойлюр улыбнулась.

16

Если организация раздачи и приема пищи в индейском отряде были на удивительной высоте, то беспечность ночевки производила совсем иное впечатление. Едва стемнело, вся сотня улеглась, и каждый из этих ста человек немедленно погрузился в сон. Никто не озабочился тем, чтобы выставить часовых. Складывалось впечатление, что понятие караульной службы индейцам незнакомо. Захоти дон Пабло сбежать, никто бы ему не помешал. Вознамерься какой-нибудь враг атаковать отряд, резня была бы знатной. Дон Пабло лежал рядом с Корикойлюр, томился от невозможности взять ее или отдаться ей, страдал от того, что ему показалось изменой с ее стороны, но поневоле, поглядывая и на безмятежно спавших «воинов» – призванных отрабатывать миту крестьян и мелких чиновников, – задумывался о той странной легкости, с какою несколько сотен авантюристов сумели завоевать и разрушить выглядевшую могущественной и прекрасно устроенной Империю. Ведь всякие взятые до того государства Центральной и Северной Америки, вроде Теночтитлана ацтеков, даже в подметки не годились Тавантинсуйу инков! Те – обычные дикари, даже не вполне вышедшие из каменного века, здесь – нечто, напоминавшее Рим, одновременно проводивший политику романтизации и впитывавший в себя самого культуры покоренных народов. Но если Рим пал под ударами варваров будучи уже одряхлевшим, то Тавантинсуйу пала на вершине своего могущества. Если на разрушение Рима понадобились столетия, то на разрушение Тавантинсуйу – всего несколько лет. И если Рим атаковали раз за разом несметные полчища, то в Тавантинсуйу поначалу пришли всего-то небольшие отряды. Правда, старики рассказывали, что именно в тот момент Империя находилась в состоянии гражданской войны, а вернее – войны между сводными братьями, претендовавшими на престол, но что с того? Они же, старики, рассказывали и то, что к моменту появления Писарро война, по сути, была закончена. Один из братьев, Атавальпа, победил, законный наследник, Уаскар, находился в тюрьме, его сторонников и ближайших родственников беспощадно и без препятствий уничтожили. Как могло получиться, что сто восемьдесят сопровождавших Писарро человек, не понеся никаких потерь, смогли сначала под корень истребить семитысячный отряд пришедшего в Кахамарку Атавальпы, а затем рассеять без остатка восьмидесятитысячную армию?

Лежа рядом с Корикойлюр и поглядывая на безмятежно спавших индейцев, дон Пабло припоминал рассказ за рассказом и всё больше склонялся к мысли о том, что причиной всему – наивная доверчивость, беспримерная честность и... столь же беспримерная готовность правящих кругов предавать собственный народ ради собственных же выгод. Другие факторы, вроде незнакомства с огнестрельным оружием, дон Пабло отмел как несостоятельные: несколько пушек и мушкетов – ничто перед десятками тысяч решительно настроенных, пусть и практически безоружных, людей.

Наивная доверчивость – вот она: спят без задних ног, оставив оружие пленнику. Даже всего лишь с дагой дон Пабло мог легко перерезать всю сотню – одного за другим, начав хоть с той же окружавшей его десятки и чункакамайока. А по рассказам, вера в слово и договор. Разве тот же Атавальпа, вообще-то и сам злодей, каких в истории не так уж и много, не поверил в договор о том, что за плату ему вернут свободу?

Беспримерная честность – пожалуйста: сказано – сделано. Сколько получил Писарро? И ведь получил! Но и это бы ладно. Старики говорили, что индейцы с изумлением смотрели на механизмы, называемые замками, едва испанцы начали устанавливать замки во входные двери присвоенных себе домов. В Империи никому и в голову не приходило закрывать двери, даже если хозяин со всеми домочадцами отсутствовал, а дом ломился от ценных вещей! С другой стороны, как будто оправдывая собственную склонность к воровству, те же старики объясняли честность индейцев существовавшей в Империи чрезвычайно жестокой системой

наказаний за малейшие проступки, но разве можно приучить к честности наказаниями, если врожденным качеством является не она, а склонность к воровству? В Испании тоже вешали за разбой и кражи, но становилось ли от этого меньше разбойников, грабителей и воров? Скорее уж больше становилось виселиц! Да и зачем в Империи кому-то было что-то воровать, если каждый и так не голодал, а реализовать украденное было невозможно?

Готовность предавать? А разве Манко Инка Юпанки, прежде чем на собственной шкуре убедиться в вероломстве завоевателей, не сам явился к Писарро, чтобы стать его марионеткой в обмен на признание собственных прав? И разве не Манко Инка Юпанки, объединившись с испанцами, без всякой пощады раздавливал восстававших, преследовал их, казнил без счета и жалости? А ведь восставали они не против него, а против чинимых испанцами насилий! И сколько тех же инков и знати помельче с готовностью переметнулось на сторону пришельцев ради земель и возможности стать такими же угнетателями? Если даже король Вилькабамбы, предшественник нынешнего, по факту отказался от трона ради возможности жить подле Куско, купаясь в роскоши, полученной за счет рабского угнетения согнанных в подаренные ему энкомьенды людей?

«Сеньор де Юкай!» – одновременно с презрением и почему-то с горечью подумал дон Пабло. – «Удивительно, как люди сохраняют веру в своих вождей, когда эти вожди прямо у них на глазах их же и предают!» Правда, Сайри Тупак, как прежде и Манко Юпанки, сполна получил за свое предательство: его втихую отравили те самые «дарители», от которых он принял крещение, рабов и доходы. Потому что предателей не любят даже те, кому предательство выгодно. «Так почему же, – продолжал размышлять дон Пабло, – до сих пор сохраняется вера в *таких* вождей?»

Небо стало потихоньку светлеть, а дон Пабло так и не сомкнул глаз. Ночь для него оказалась бессонной. А когда наступило утро, он чувствовал себя разбитым и больным. Вставать не хотелось, но пришлось: проснувшаяся Корикойлюр смотрела на него с нескрываемой тревогой – не пугать же ее навалившимся желанием завернуться в плащ, уснуть и больше не просыпаться? Впрочем, сама тревога Звёздочки его приободрила: тревожится, значит любит! Значит, вчерашнее ее «предательство» – никакое и не предательство. Значит, всё совсем не так уж и плохо, потому что – дон Пабло уже не мог иначе – всё в этом мире пустяк по сравнению с тем, что любит не только он, но и сам любим!

17

Организация завтрака была столь же простой и столь же эффективной, какую накануне была организация ужина. Одна беда: на завтрак предложили всё ту же майсовую похлебку с бананами и несусветным количеством жгучего перца. От похлебки, как от и чичи, дон Пабло решительно отказался. Он сам нарезал себе порцию из их с Корикойлюр запасов сушеного мяса, сходил к источнику за тамбо и взял из него воду. Чункакамайок и десять его подчиненных смотрели на это, но больше не хихикали. Возможно, смеяться дважды над одним и тем же у них считалось таким же дурным тоном, как и у европейцев – смеяться над не раз повторенной шуткой. А может, всё было намного проще: может, как и многим другим людям, по утрам им было не до смеху – тяжело вставать, тяжело осознавать, что впереди – длинный и полный работы день.

Где-то к полудню отряд подошел к реке и переброшенному через нее мосту. Это, как понял дон Пабло, была одна из немногих американских рек, еще не успевших получить испанское название. Индейцы называли ее Чунта-майу²⁵, Пальмовая река, и ни с каким другим названием она не ассоциировалась. Ее не успели переименовать ни в Сан-Мигель, ни во что-то другое подобное, разве что исказили название, как прежде исказили название реки Уру-пампа, превращенной в Урубамбу²⁶.

Сразу за мостом дорога пошла вверх и вскоре вывела на обширное и практически сплошь застроенное плато. Это и была собственно Вилькабамба – столица последнего независимого государства инков. Ее размеры поразили дону Пабло, ожидавшего увидеть что-нибудь вроде деревни в забытой Богом глуши. На самом же деле, если прикидывать на глаз, город в длину простирался примерно на целую лигу²⁷, а в ширину – на половину, и размерами почти не уступал некогда столичному Куско!

Как и Куско, Вилькабамба не имела укреплений в виде стен и башен, что тоже поражало: не раз и не два правители Империи сталкивались с опасностями осад, однажды даже едва не лишившись столицы при внезапном нашествии чанки. Позже, правда, они построили прикрывавшую город огромную крепость²⁸, но, что выявила уже конкиста, проку от нее оказалось немного. И вот, теперь наследники бывших правителей повторяли ту же ошибку: прожившись на естественный рельеф местности, затруднявший военные действия, не стали заботиться об укреплениях.

Были, однако, у Вилькабамбы и существенные отличия от того Куско, который, как говорили, застали первые конкистадоры. Дон Пабло, не считая руин крепости и других, разбросанных по долине, руин, ничего подобного не видел: к его прибытию в Перу город был существенно перестроен и уже практически принял характерные для любого испанского города черты. Но старики говорили, что некогда дома в Куско были сложены на ту же манеру, что и прикрывавшая город крепость и другие имперские постройки: из каменных глыб, обтесанных так, чтобы плотно прилегать друг к другу и сцепляться друг с другом без помощи цементирующих растворов. Кроме того, стены домов имели видимый невооруженным взглядом наклон от вертикали внутрь, объяснить каковую причуду толком никто не мог²⁹. Дома в Вилькабамбе

²⁵ Chunta-mayu, современная Чонтамайю (Chontamayo).

²⁶ Urubamba, на кечуа – Uru-rampa (Долина пауков).

²⁷ Примерно 4,8 километра.

²⁸ Саксайуаман (Sacsay-waman, буквально «Сытый Сокол»).

²⁹ Причину объяснили уже в наше время: выстроенные таким образом дома и другие сооружения легко переносили частые землетрясения. В отличие от испанских построек, то и дело разрушавшихся, «инкские» постройки выдерживали даже самые сильные землетрясения. Один из самых известных примеров – обрушение собора святого Доминика во время мощного землетрясения 1950 года. Собор был построен на фундаменте храма Солнца (Кориكانча) и частично включил в себя его элементы –

были построены иначе: из обычного булыжника, скрепленного глиной. Очевидно, всё-таки сказывалась нехватка рабочей силы и ресурсов: при Империи инки могли в любой момент мобилизовать на «строительную миту» десятки, а то и сотни тысяч людей; правители Вилькабамбы такой возможности не имели.

Из других отличий бросалось в глаза использование черепицы, тогда как традиционным материалом для крыш являлся тростник. Впрочем, далеко не все дома Вилькабамбы имели черепичные крыши: возможно, те, в которых переняли испанскую «технология», принадлежали высокопоставленным лицам, а крытые обыкновенным тростником и пальмовыми листьями – простому люду. И если это было так – дон Пабло еще ничего об этом не знал, – тогда обнаруживалось еще одно существенное отличие: в Куско до прихода испанцев не было постоянного населения из простых людей. В том смысле, что простому люду элементарно нечего было делать в городе. Постоянное население состояло из представителей знати, жрецов, прибывавших на обучение детей провинциальных курак, obsługi, личной стражи Сапа Инки и немногочисленных ремесленников, работавших исключительно на нужды знати и жречества. Лишь по очень большим праздникам в город допускался кто-то еще. Да и то – с большими оговорками вроде такой, что на ночь пришлому люду все равно приходилось уходить за городскую черту. В Вилькабамбе, похоже, ограничений подобного рода не существовало. Пусть и утверждали, что новые государство и его столица были созданы по образцу и подобию прежних, произошедшие в мире перемены не могли не коснуться их. И одной из таких перемен была необходимость ведения внешней торговли, что означало появление новой, пусть и не привлекательной, но необходимой в том числе и для столицы прослойки людей. Кроме того, в городе находилась постоянная миссия из католических священников – монахов и клириков.

Наконец, этажность. Дону Пабло рассказывали, что прежде жилые дома никогда не строились или очень редко строились выше одного этажа. Даже дворцы правителей и высшей знати чаще всего были одноэтажными. А в Вилькабамбе, несмотря на действительно преимущественно одноэтажную застройку, хватало домов и в два, и в большее количество этажей.

В общем, город удивлял. Дон Пабло смотрел по сторонам и не верил своим глазам. Да: многое было построено наспех и совсем не так, как можно было бы ожидать. Но ведь и того невозможно было ждать, чтобы в такой глуши, у черта на рогах, вообще был именно город – большой, размерами сравнимый с Куско, а не чахлая деревня. А когда отряд поравнялся с храмом Солнца – что это храм, нетрудно было догадаться, – у него и вовсе глаза полезли на лоб: огромное здание с двадцатью четырьмя дверными проемами выглядело нереально фантастически для такого места! Столь же нереально смотрелся трехэтажный дворец длиной приблизительно в триста футов: не только крытый черепицей, но и облицованный изукрашенными керамическими плитками.

– Уму непостижимо! – воскликнул дон Пабло.

– Utirayachkan, – ответила Корикойлюр, тоже с недоверием во взгляде осматривавшаяся по сторонам. – Изумляет!

– Какое там – изумляет! Это просто невозможно!

– А всё-таки *это есть*!

– Да...

Роскошный дворец миновали не останавливаясь. Остановился отряд у другого дворца: тоже немалых размеров, но всё же более скромного. И здесь он, отряд... рассеялся: как будто его и не бывало. Просто в какой-то момент исчез, а в какой именно, дон Пабло и не заметил. Остались только чункакамайок со своими десятью людьми и – собственной персоной – пачака камайок. Первые, похоже, выполняли роль стражи, несмотря на всю бессмысленность этого

часть стен и т. п. Всё, что относилось к храму Солнца, землетрясение выдержало. Выдержали землетрясение и Саксайуаман, и всё вообще, что было создано в доколониальный период.

занятия учитывая то, что еще минувшей ночью дон Пабло и Корикойлюр легко могли убежать, но не сделали этого. А второй – роль вестника: пачака камайок, бегло взглянув на остатки отряда, Корикойлюр и дона Пабло, чуточку помедлил, а потом прошел внутрь.

18

Не возвращался он долго. Что предвещало столь длительное отсутствие, не было ясно, как не было ясно, к кому он отправился, поэтому дон Пабло начал испытывать нервозность. Кому и что докладывал пачака камайок? Что вообще он мог доложить, если им – ему и дону Пабло – так и не удалось объясниться? Какие басни рассказывал, помимо, надо полагать, смешного происшествия подле тамбо? За кого выдавал «взятого в плен» испанца со спутницей-индианкой? За кого выдавал Корикойлюр? Вопросов было столько и каждый имел такую важность, что как не занервничать!

Чункакамайок и его люди хранили невозмутимое спокойствие. Они-то точно знали, что происходит. Дон Пабло попробовал было упросить Корикойлюр порасспрашивать их, но та покачала головой:

– Не время!

– А ты сама представляешь, что происходит?

– Пачака камайок общается с доверенным человеком Инки. А может, и с самим Инкой. Трудно сказать. Но это – точно дворец Инки. Как и тот, другой. Наверняка есть еще и третий, просто мы до него не дошли.

– Откуда ты знаешь?

– Нынешний Инка – третий правитель. А так заведено, чтобы каждый новый правитель жил в новом дворце. Старый остается в собственности панаки прежнего.

– Ну и расточительство! – не удержался дон Пабло.

Корикойлюр легонько улыбнулась.

Наконец, пачака камайок вернулся. Выглядел он озадаченным, но никакой угрозы в этой озадаченности не было. Скорее, она была проявлением растерянности от того, что случилось нечто, чего лично он не ожидал.

– Puriychik!³⁰ – велел он дону Пабло и Корикойлюр.

– Пошли, – почти перевела Звёздочка.

Дон Пабло взял ее за руку, и они вошли во дворец.

Несмотря на внушительные размеры дворца, оказалось, что сразу же за дверью находилась пусть и большая, но всего одна комната. Ее отделка, в отличие от отделки наружных стен, не поражала ничем необыкновенным: не было в ней ничего, что могло бы ассоциироваться с роскошью. Разве что стены от пола до потолка, практически по испанскому образцу, были прикрыты панелями из душистого кедра, в изобилии произраставшего в окрестностях Вилькабамбы. Даже пол являл собою просто хорошо утрамбованную землю. В одном из углов находилось подобие очага, а в дальнем стояло низкое кресло, в котором сидел немолодой уже, лет сорока, человек, одетый весьма эклектично. Традиционная для индейцев рубаха без рукавов, сшитая из одного куска полотна, совсем не сочеталась с европейскими штанами и сапогами. Мочки ушей человека были растянуты большими золотыми вставками, но ни тесьмы вокруг лба, ни перьев, характерных, как это знал дон Пабло, для индейских правителей, на голове не было. Однако жесткое, резко очерченное лицо и твердый решительный взгляд выдавали в сидевшем человеке не просто незаурядного. Дону Пабло, повидавшему всякого рода правителей, сразу же стало ясно, что перед ним – Инка собственной персоной. Дон Диего де Кастро, как его называли испанцы. Или Титу Куси Юпанки, как он сам называл себя. Именно он, незаконнорожденный сын Манко Инки, захватив престол Вилькабамбы после смерти отравленного сводного брата, за несколько лет удачных военных действий многократно расширил границы государства – с территории плато до многих десятков тысяч километров: не было даже

³⁰ Идемте!

ясно, насколько конкретно, потому что часть расширений пришлась не на испанские владения, а на владения диких племен, обитавших в предгорьях восточного склона кордильеры и ниже, уже непосредственно в сельве. Именно он безжалостно казнил тех из своего ближайшего окружения, кто однажды дрогнул и побежал: когда испанский посол, желая испугать его, на всем скаку вплотную подлетел к нему на лошади, остановив ее в последний миг – так, что, как говорили, слюна разъяренной лошади падала ему на одежду. Именно он подавил восстание другого своего сводного брата – законного наследника трона, правда, проявив к нему известную снисходительность: сохранив за ним титул смотрителя и жреца при теле их общего отца, запретил выходить из подобия монастыря – дома Дев Солнца³¹, в каком-то доме брат с тех пор и проживал³², отправляя культ и ни в чем не нуждаясь. А потом именно он, понимая, что его ресурсы очень ограничены, заключил с колониальными властями мирное соглашение, с одной стороны, признав себя вассалом испанской короны, а с другой – вынудив колониальные власти признать законность существования того, что испанцы с тех пор называли королевством Вилькабамба. Причем в границах не плато, а завоеванных Титу территорий колонии. Его побаивались и уважали. С ним пытались наладить дружеские отношения. Его уговорили принять крещение, но, по-видимому, с его стороны это было не более чем дипломатической уловкой – такой же, как ранее принесенная им присяга на верность короне. В отличие от Сайри Тупака, предавшего свой народ и переселившегося в Юкай, Титу Куси Юпанки твердо «сидел» в Вилькабамбе и уходить из нее не собирался.

Рядом с креслом Инки, по обе стороны от него, стояли еще несколько человек. Большинство – в традиционных индейских одеждах и с такими же, как у самого Инки, золотыми вставками в ушах: родственники. Еще двое были облачены в монашеские рясы ордена августинцев – миссионеры. На одного из них дон Пабло сразу же обратил внимание: тот выделялся каким-то особенно нехорошим, одновременно пристальным и ускользающим, взглядом, в котором было больше хитрости, чем ума, и больше злобы, чем монашеского смирения. В нарушение этикета, а может, потому что так и было обговорено заранее, именно он заговорил первым:

– Пабло Ленья-и-Аморкон? – спросил он, демонстративно опуская «дон» и «де», тем самым низводя дону Пабло до уровня простолюдина.

И дальше:

– До нас дошли известия о многочисленных злодеяниях, совершенных тобою в Испании и оставшихся безнаказанными, а также о тех злодеяниях, которые ты совершил уже здесь. До нас дошло известие о совершенных тобою убийстве в городе Куско и краже собственности дон Франсиско Уртадо. Мы получили требование о выдаче тебя властям, чтобы ты надлежащим образом предстал перед судом Его Высочества графа де Оропеса³³ с последующей передачей тебя суду Святой Инквизиции на предмет исследования твоих прегрешений, поскольку имеются все основания подозревать тебя в еретических уклонениях и взглядах.

Дон Пабло удивился было осведомленности проживавшего в миссии Вилькабамбы монаха, но тут же до него дошло: пусть и не было никакого явного преследования, и никаких

³¹ Aclla-wasi – некое подобие дома весталок в Риме и одновременно христианских монастырей. В него отбирались девочки в возрасте семи-восьми лет (для уверенности в их девственности). В столичный Аклля-уаси принимали исключительно девочек чистокровного инкского (королевского) происхождения. В провинциальные принимали также дочерей инков по привилегии, курак и даже простых людей, если девочки обладали исключительной красотой. Девы Солнца обязаны были хранить девственность всю свою жизнь. Исключение составляли случаи, когда из них избирались жены или наложницы (младшие жены) для инков, а также (в знак особой милости) для инков по привилегии и курак.

³² Грубое нарушение старых имперских законов, согласно которым не только мужчинам, но даже женщинам за исключением супруги Сапа Инки было запрещено входить в Дома Дев Солнца. Считалось, что даже верховный правитель, Сапа Инка, не имел такой привилегии, хотя и мог бы ее получить. В действительности, конечно, правители «навещали» дев, нередко именно из их числа подбирая себе наложниц. Тем не менее, заключение брата в Аклля-уаси было со стороны Титу Куси Юпанки чуть ли не святотатством.

³³ Вице-короля Перу.

гонцов ни он, ни Корикойлор за всё время своего путешествия не видели, но в те дни, когда они нарочно медлили, какой-нибудь гонец мог обогнать их, оставшись незамеченным. До него дошло, что логика рассуждений обнаруживших убийство людей должна была отличаться чрезвычайной простотой: ему, дону Пабло, и женщине, которую он прихватил с собой, некуда было деться, кроме как попытаться достичь независимых от Испании владений. А такими – из достижимых, конечно – являлось только последнее государство инков. До него дошло, что и отряд, перехвативший его и Корикойлор на дороге, появился на их пути не просто по воле случая, а был нарочно выслан на их поиски: буде они вознамерились бы изменить маршрут. Правда, зачем потребовалось высылать целую сотню, оставалось загадкой, но эту загадку дон Пабло списал на свойственную индейцам любовь к внешним эффектам.

Монах, между тем, продолжал:

– Перед лицом Его Величества дона Диего Инки Титу Куси Юпанки я, действуя по поручению и от имени...

Дон Пабло перевел взгляд на Инку и сразу же подметил: тот не только пристально на него смотрел, не только выжидал, каким будет его ответ, но и от души веселился происходящим. Несмотря на серьезное выражение лица, в глазах Инки плескались такие же золотистые искорки смеха, какие он подмечал и у Корикойлор, когда Звёздочка находилась в хорошем настроении. Тогда, не словом, а действием перебив монаха, он сделал шаг по направлению к креслу, отвесил почтительный, как если бы находился на придворном приеме, поклон и сказал:

– Имею честь, Ваше Величество, вручить себя и свою невесту вашему высочайшему попечительству. Нижайше прошу разрешения представить нас... – взял Звёздочку за руку и еще раз поклонился. – Донья Корикойлор. Дон Пабло де Ленья-и-Аморкон, идалъго соларьего³⁴. И как особой милости прошу разрешить отрезать уши вот этому, – дон Пабло пальцем указал на монаха, – наглецу, лжецу и пустобреху, рожденному в канаве от уличной проститутки!

Монах побагровел, но, встретившись взглядом с переставшим отвешивать поклоны доном Пабло, отступил за кресло и даже попытался укрыться за спиной второго монаха. Тот, однако, удержал его, и было слышно, как он сказал:

– Стыдно, брат мой, стыдно бежать перед лицом сатаны!

Лицо Инки оставалось серьезным, но золотистые искорки в его глазах уже не просто плескались: они переполняли их, изливались из них, делая их похожими на два солнца. Дон Пабло ждал. Титу Куси Юпанки хранил молчание. Но – дон Пабло понял это – не потому, что не хотел говорить, а потому что не хотел расхохотаться, что было бы несовместимо с его достоинством. И всё же, справившись с собой, он заговорил – на хорошем испанском, которому был обучен с раннего детства:

– Ты ставишь нас в неловкое положение, *дон* Пабло, – он особенно подчеркнул титул, словно противопоставляя свои слова грубости монаха. – Обвинение в убийстве и краже – очень серьезное обвинение, закрыть глаза на которое мы не можем. Испанские законы тебе объяснят другие, а по нашим законам даже за кражу положена смертная казнь. Однако мы можем выслушать тебя, прежде чем принять решение. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Дон Пабло ответил не мешкая:

– Мне не в чем оправдываться, Ваше Величество. Потому что ни по каким законам – ни по божеским, ни по человеческим – не может считаться преступлением убийство насильника, как не может считаться кражей сопровождение свободного человека туда, куда он пожелает идти!

³⁴ *Hidalgo solariego* – принадлежащий к родовому, наиболее древнему, знатному и уважаемому нетитулованному дворянству. Буквально – «поместный идалъго», «идальго с собственным замком».

– Ты врешь! – закричал из-за кресла монах, указывая на Корикойлор. – Она не свободна! Она...

Дон Пабло, по-прежнему обращаясь только к Инке, перебил монаха:

– Да, Ваше Величество: Корикойлор – из энкомьенды того негодяя, имя которого уже произносилось: Франсиско Уртадо. Я хорошо знаком с этим человеком и потому с полным основанием повторю: он – низкий, подлый и гнусный негодяй без роду и племени, возмнивший себя полновластным господином над тем, что ему не принадлежит, не принадлежало и никогда, надеюсь, не будет принадлежать – над душами и телами собранных в энкомьенду людей. Ведь что такое энкомьенда? Не более чем поручительство о том, что собранных в ней будут учить христианской религии с надеждой на то, что они уверуют и примут крещение. Никакой юридической зависимости между проживающими в энкомьендах людьми и энкомендеро не существует. И если собаке, стоящей за вашим, Ваше Величество, тронем, это по какой-то причине до сих пор неизвестно, я лично готов донести это знание до его ушей. Прямо здесь и сейчас. Или в сторонке, если такое зрелище может оскорбить ваш царственный взгляд.

И снова дон Пабло почтительно поклонился.

Инка нахмурился, но золото продолжало литься из его глаз:

– Странные вещи ты говоришь, дон Пабло! Назвать собакой почтенного служителя Господа... необычно для христианина!

– Вот уже неделя, как я не христианин.

Инка замер. Доселе вроде бы как безучастные, другие индейцы, его родственники, наоборот – разом взволнованно заговорили, обращаясь друг к другу, но о чем они говорили, дон Пабло понять не мог. Тот монах, который удержал от бегства своего выступавшего собрата, перекрестился. А у этого челюсть так и отвисла:

– К... как? – то ли проблеял, то ли пискнул он и тоже перекрестился.

– Как – не христианин? – отмер Инка.

– Очень просто, Ваше Величество, – ответил дон Пабло. – Я больше не верю в Бога, которого на Земле представляют Церковь и люди, забывшие проповедь о любви и прощении. Если бы этот Бог существовал, Он ни за что не допустил бы такого позорного поношения Самого Себя. Не допустил бы того, чтобы от Его имени говорили стяжатели, жадные до всего, кроме самых простых вещей. Жадные до запретов и расправы и чужающиеся любви и благоговения.

Оба монаха, бледные как смерть, неистово крестились. Индейцы, перестав разговаривать друг с другом, с изумлением смотрели на дону Пабло. Один из них наклонился к Инке и что-то прошептал ему на ухо. Титу Куси Юпанки встал с кресла, вплотную подошел к дону Пабло и, бросив косой взгляд на Корикойлор, тихо спросил:

– Ты ополоумел?

– Похоже на то, – признался дон Пабло.

– Ты что, так сильно ее любишь?

– Да.

– Ты понимаешь, что отныне тебе навсегда закрыт выход отсюда?

– Понимаю.

Инка вернулся к креслу, сел, помолчал и отдал короткий приказ стоявшему поблизости пачака камайоку, после чего объявил по-испански:

– Ступайте за этим человеком. Наш приговор мы огласим завтра после восхода солнца.

Пачака камайок тронул дону Пабло за локоть. Дон Пабло в очередной раз поклонился Инке, взял за руку Корикойлор и пошел вместе с ней за своим то ли новоявленным тюремщиком, то ли просто провожатым.

19

Далеко идти не пришлось. Через квартал от дворца, если кварталом можно назвать группу из нескольких домов с общим двором, пачака камайок остановился и указал на два небольших дома – одноэтажных и однокомнатных, что было видно сразу, поскольку в обоих двери стояли открытыми настежь. Дон Пабло было повел Корикойлюр в один из них, но пачака камайок покачал головой, без всякой агрессии отстранил дона Пабло от Звёздочки и снова указал на разные дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.